

Стефан Кларк

САМЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЬ

Жизнь и приключения
Эдуарда VII

«Книга, в которой сочетаются блестящее чувство юмора и познавательность исторического рассказа».

The Spectator

«Стефан Кларк рисует захватывающую картину, интересную как для тех, кто любит читать о прошлом, так и для тех, кто считает себя настоящим «историком»».
Amazon.com

Стефан Кларк
**Самый французский английский король.
Жизнь и приключения Эдуарда VII**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16883153

Самый французский английский король. Жизнь и приключения Эдуарда VII / С. Кларк ; [пер. с англ.

А. Литвиновой].: РИПОЛ классик; Москва; 2015

ISBN 978-5-386-08482-0

Аннотация

Стефан Кларк написал увлекательную биографию Эдуарда VII – единственного из английских королей, страстно влюбленного во Францию. Он известен как бонвиван, великий плейбой Европы, соблазнитель и искуситель, имевший любовные отношения с большинством знаменитых парижских актрис, куртизанок и танцовщиц канкана. В то же время это один из самых почитаемых британских монархов, блестящий дипломат, «король-миротворец». Английский король? Как бы не так! Стефан Кларк уверен, что Эдуард VII познал все прелести и всю мудрость жизни только благодаря французам, и задается вопросом: как же им удалось сотворить такое чудо с сыном суровой королевы Виктории?

Содержание

Вступление	5
Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	31
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Стефан Кларк

Самый французский английский король. Жизнь и приключения Эдуарда VII

Посвящается Парижу, который непременно обратит вас в парижанина... если в вас есть хоть капля ума

Stephen Clarke

DIRTY BERTIE

САМЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЬ

Жизнь и приключения Эдуарда VII

«Книга, в которой сочетаются блестящее чувство юмора и познавательность исторического рассказа».

The Spectator

«Стефан Кларк рисует захватывающую картину, интересную как для тех, кто любит читать о прошлом, так и для тех, кто считает себя настоящим “историком”».

Amazon.com

Перевод с английского И. Литвиновой

© Stephen Clarke, 2014

Вступление

*Эдуард VII царствует в Лондоне, но правит в Париже.
Эмиль Флуранс, французский министр иностранных дел*

Если бы в начале XX века существовали тесты ДНК, они бы, конечно, подтвердили, что король Эдуард VII был представителем англо-германской породы. Его отец Альберт – чистый тевтон, с моралью такой же жесткой, как усы кайзера. Мать, Виктория, пусть и наполовину, но тоже немка. А родился он в то время, когда в лексиконе англичан слово «француз» было синонимом «дьявола», «смертельного врага», «неудачника» и «грубияна».

Тем более странно, что Эдуард – или Берти, как называли его в семье, – вырос французом по духу. С такой-то родословной и воспитанием ему впору было стать образцовым викторианцем – со всеми моральными ограничениями, к которым обязывало это звание, – но из Берти получился бонвиван и жизнелюб, сладкоречивый соблазнитель, который был не прочь смотаться через Ла-Манш на ужин с шампанским и канканом в поисках *amour*¹.

Исследуя эскапады Берти в процессе работы над книгой «Англия и Франция. Мы любим ненавидеть друг друга», я с удивлением обнаружил, что историческая литература несправедливо обошла вниманием эту наиболее яркую, «французскую» часть его жизни. Целые недели, проведенные в Париже, уместились в две-три строчки, а ведь мы с вами знаем, как можно накуролесить в этом городе и за неделю.

Я нашел немало эвфемизмов о «взрослых развлечениях», часто цитируемые жалобы Виктории на «ужасный Париж» и его «испорченность»; мне попадались списки парижских знакомых Берти, пользующихся дурной репутацией, даже скабрёзные анекдоты, но больше никаких подробностей. Я все не мог понять, в чем дело.

Возможно, эти писатели думали, что парижские экскурсии Берти слишком легкомысленны для серьезной истории? Или что его невинные сексуальные подвиги во Франции были всего лишь ширмой, скрывающей длительные любовные отношения со знаменитыми соотечественницами – Лили Лангтри и Алисой Кеппел (прабабушкой Камиллы Паркер-Боулз)?

Я счел позорным такое невнимание к французским эпизодам жизни монарха, поскольку Берти был полноправным участником парижских событий – пожалуй, самого увлекательного, творческого периода в истории города. На вторую половину XIX века пришлись зарождение канкана, расцвет импрессионизма и появление Больших бульваров; это было время, когда формировалась культура Монмартра, Елисейских Полей и парижских *caf  *²; когда проститутки были повсюду, а адюльтер стал неременным атрибутом жизни высшего света.

Берти с удовольствием вращался в этом мире, который и сделал его тем дружелюбным весельчаком, каким его знали современники. Он танцевал при дворе императора Наполеона III, испытывал страдания во время осады Парижа и был первым гостем, поднявшимся на Эйфелеву башню. Он умел находить общий язык с самыми радикальными французскими роялистами и республиканцами, и они относились к нему с восхищением, уважением и любовью – как и все, почти без исключения, кто встречался с ним, независимо от пола и национальности. Даже полубезумный кайзер Германии Вильгельм становился сговорчивым, когда рядом с ним был Берти.

Этой книгой я попытался рассказать – впервые – полную, без купюр и прикрас, историю о том, как французы научили будущего короля Англии очаровать весь мир.

---

¹ Любовь (фр.).

² Кафе (фр.).

Стефан Кларк, Париж

Глава 1

1855: Любовь с первого взгляда

*У вас очень красивая страна.
Я бы хотел быть вашим сыном.*
Тринадцатилетний Берти Наполеону III, императору Франции

I

Старший сын королевы Виктории, Альберт-Эдуард, был человеком новой формации. Его предки, как и многие современники, видели в континентальной Европе лишь гигантское поле битвы. На протяжении тысячи лет в европейских турне их обычно сопровождал багаж, состоящий из доспехов, стрел и пушек.

Он жил в то время, когда большинство его соотечественников призывали Англию к «гордому одиночеству», а многие европейцы жаждали революции в собственной стране и/или войны с соседями.

Но Альберт-Эдуард – Берти для близких – думал иначе. Как и нас сегодня, будущего короля Эдуарда VII гораздо больше интересовал туризм, а не военные прогулки. Он знал, что война с любой европейской страной разом отлучит его от любимых ресторанов, театров, *châteaux*³ друзей. Ему нравилось в континентальной Европе то же, что и нам, – курорты, еда, аромат экзотического секса. Он даже мог изъясняться на европейских языках.

Альберт-Эдуард был таким пламенным поклонником континентальных удовольствий, что заработал себе прозвище Грязный Берти в английской прессе, и, пока не стал королем, он старался держаться подальше от общественного внимания. Но мы не должны забывать, что именно Грязный Берти – первый претендент на обладание платиновой картой постоянного клиента самых престижных парижских *cafés* и борделей (если бы в XIX веке знали о картах лояльности) – со временем вырос в блестящего дипломата, возможно, величайшего в британской истории.

Именно Берти практически в одиночку удержал Европу от большой войны на пороге XX века. Можно даже поспорить (и эта книга тоже подкинет аргументов), что, если бы он курил намного меньше и прожил на несколько лет дольше, Европа не скатилась бы к войне в 1914 году.

Чаще всего не военные угрозы и официальные союзы между странами, а неформальные встречи Берти со своими европейскими друзьями и родственниками⁴ рассеивали тучи войны. Государственный визит Берти на королевской яхте или частном поезде, легкий треп за сигарой, несколько приятельских обедов с генералами – и потенциально взрывоопасные конфликты вокруг господства на море или приграничных маневров забывались – по крайней мере, до следующего кризиса.

---

³ Замки (*фр.*).

⁴ Кайзер Германии Вильгельм II и император России Николай II были племянниками Берти; испанский король Альфонсо XIII был женат на племяннице Берти; король Югославии Петр II, король Дании Фредерик IX и король Швеции Густав Адольф VI были женаты на его внучатых племянницах; король Греции Александр I приходился ему внучатым племянником; король Норвегии Хокон VII – зятем; Берти имел родственные связи по всей Европе, за исключением Австро-Венгрии, которой правил его старый друг император Франц-Иосиф, и Франции, где его любили как своего. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, приводятся комментарии автора.*

И именно Франция научила Берти этому *bonhomie*⁵, сделала его человеком легким и незлобивым, к которому тянулись все, даже мужья-рогоносцы его любовниц и вечно всем недовольный кайзер Вильгельм.

Французы сумели воспитать одного из самых успешных соблазнительей и, пожалуй, самого талантливого дипломата за всю историю Великобритании. Вопрос: как им удалось сотворить такое чудо, да не с кем-нибудь, а с сыном самой королевы Виктории?

II

Каждому из нас нужен образец для подражания, и у Берти, похоже, их было сразу два.

В европейской дипломатии (которая, как мы видели, в основном занималась поддержанием родственных отношений внутри разрастающегося семейного клана) он равнялся на свою мать, королеву Викторию, хотя на склоне лет она тяготела к затворничеству и уже не могла служить вдохновляющим примером. А вот в том, что касается личности, то тут, несомненно, кумиром Берти был француз, проживший недолгую жизнь император Наполеон III, человек, который применял боевую тактику своего дяди, Наполеона Бонапарта, по большей части в спальне и предпочитал не столько править континентом, сколько командовать под пуховым одеялом⁶.

Если Наполеон III и вдохновил старшего сына Виктории пойти по его стопам, так исключительно тем, что не позволил своей приземистой фигуре, большому носу и опухшим глазам служить помехой в деле оболыщения. Как раз в самом впечатлительном возрасте тринадцатилетний Берти впервые увидел Наполеона III в действии⁷. Хотя и невзрачный внешне, французский император слыл невероятно искусным любовником и неумолимо прочесывал свой дворец в поисках новых приключений с прекрасными придворными дамами. Однажды на бале-маскараде он так торопился довести до логического конца новое знакомство, что в спешке затолкал свою добычу в первую попавшуюся комнатенку, где и обнаружил, уже раздевая, что *Mademoiselle*⁸ на самом деле – *Monsieur*⁹.

Но Наполеон III вовсе не был дикарем и хамом. Когда замужняя англичанка, известная своей чопорностью, до восемнадцати лет делившая спальню с матерью, навестила императора в Париже, она призналась, что была «приятно удивлена» его галантностью. «Я гостила у него целых десять дней, – писала она, – проводила с ним... зачастую наедине... по двенадцать – четырнадцать часов... Не знаю никого, с кем бы я чувствовала себя так свободно, с кем бы мне хотелось говорить без всякого стеснения, кому хотелось бы довериться...»

Кажется, еще немного – и мы прочтем откровения о сорванном корсете? И, словно в подтверждение наших догадок, та же дама по возвращении в Англию написала Наполеону по-французски, признаваясь в том, как глубоко ее «тронул и покорила» его прием, и, когда они прощались, «ее сердце распирало от чувств» после столь «прекрасных и счастливых дней», проведенных вместе. «Вы крикнули с берега *au revoir*¹⁰, – признается она в письме, – и эти слова до сих пор живут в моем сердце». Заканчивается послание заверениями в «нежной дружбе и глубокой симпатии».

---

⁵ Добродушие (фр.). – Примеч. пер.

⁶ Здесь игра слов. *Continental quilt* (англ.) – пуховое одеяло. – Примеч. пер.

⁷ Первое впечатление Берти от внешности Наполеона III не назовешь многообещающим. В своем дневнике он сухо отметил, что «император невысокого роста. У него очень длинные усы, но короткие волосы».

⁸ Мадемуазель (фр.). – Примеч. пер.

⁹ Месье, господин (фр.). – Примеч. пер.

¹⁰ До свидания (фр.). – Примеч. пер.

Дышащие любовью слова страстной женщины. Тем удивительнее узнать, что они были написаны в 1855 году 36-летней королевой Викторией. Да-да, выходит, и ее смог «тронуть и покорить» француз.

История не слишком справедливо обошлась с Викторией. Старую королеву, неулыбчивую даму с плотно сжатыми губами, затянутую во вдовый траур, привычно обвиняют в ханжестве и всех прочих грехах, в которых увязла Британия XIX века. Достаточно лишь мысленно представить ее портрет, чтобы разом избавиться от фантазий даже отдаленно эротического содержания. Она предстает антиподом сексуальности.

Но, судя по «французскому письму»¹¹ (в прямом смысле *bien sûr*¹²) у Виктория была просто женщиной. И, уже будучи стареющей вдовой, она немало изумила своих детей, в том числе и Берти, когда приблизила к себе двух слуг – шотландца Джона Брауна и индуса Абдула Карима. Один из них представлял нацию, прославившуюся отсутствием нижнего белья, а другой был выходцем из страны, которая подарила нам *Камасутру*.

Доподлинно неизвестно, насколько близкими были отношения Виктории с этими красавцами, да и от диванной дипломатии с Наполеоном III она, скорее всего, удержалась; но, как потом доказал ее сын Берти, тугие корсеты и многослойные нижние юбки никому в XIX веке не мешали наслаждаться здоровой сексуальной жизнью, и причем не обязательно моногамной.

На самом деле общество строгой морали и сексуальных запретов, которое мы привыкли называть викторианским, во многом было альбертианским. Печально знаменитое ханжество английского высшего света того времени пошло именно от супруга королевы, Франца Альбрехта Карла Эммануила фон Саксен-Кобург-Готского, или просто Альберта.

Принц Альберт был на редкость строгим отцом и так крепко стянул рукава моральной смирительной рубашки своего старшего сына, что, когда они лопнули, чувство свободы отправило того жуировать по всей Европе (чаще всего молодой человек заглядывал во Францию). Это Альберт пытался создать ангельского принца Альберта-Эдуарда, а породил Грязного Берти.

И переломный момент наступил во время визита королевской семьи ко двору Наполеона III в Париже в 1855 году.

III

Будучи одновременно и снобом и монархисткой (одно другому не мешает), Виктория поначалу отнеслась к Наполеону III, мягко говоря, настороженно. Да и чему удивляться? Мало того что он был племянником злейшего врага Англии, Бонапарта, так еще и стал президентом Франции после изгнания короля Луи-Филиппа в 1848 году¹³, а потом устроил государственный переворот и объявил себя императором Наполеоном III. Произошло это 2 декабря 1851 года, в 47-ю годовщину инвеституры самого Бонапарта.

В глазах Виктории Наполеон III – кем бы он ни был, императором или всего лишь президентом, – пришел к власти путем свержения короля, а потому представлял собой угрозу для стабильности Европы (и самой Виктории).

Виктория знала и о «непородистом» прошлом Наполеона III. Его мать, Гортензия де Богарне, была дочерью Жозефины, первой жены Наполеона Бонапарта. Его отец, Людовик, приходился Бонапарту младшим братом – по крайней мере, с юридической точки зрения.

---

¹¹ French letter (*англ.*) – презерватив (букв.: French – французское, letter – письмо). – *Примеч. пер.*

¹² Конечно (*фр.*). – *Примеч. пер.*

¹³ Более подробно о британском участии в революции 1848 года и несчастной судьбе Луи-Филиппа, к которой приложили руку его английские хозяева, см. в книге «Англия и Франция. Мы любим ненавидеть друг друга».

Когда в 1808 году родился ребенок, Людовик заподозрил Гортензию в неверности и признал отцовство только под давлением всесильного брата.

С семилетнего возраста попавший в водоворот непредсказуемой французской политики начала XIX века будущий Наполеон III был вынужден скитаться по разным странам и два года – с 1846-го по 1848-й – прожил в Лондоне. Это здесь он освоил разговорный английский язык, сожительствовав во грехе с молодой актрисой Гарриет Говард, поднявшейся по английской социальной лестнице классическим способом – сбежала из дому в пятнадцать лет с богатым любовником, родила от него ребенка, а потом унаследовала его состояние. Когда в 1848 году король Луи-Филипп бежал из Франции, а будущий Наполеон III пересекал Ла-Манш в противоположном направлении, именно деньги Гарриет Говард стали финансовым подспорьем для президентской кампании ее любовника и последующего государственного переворота. Она переехала в Париж и оставалась с Наполеоном III до тех пор, пока он не нашел подходящую жену; в память о Гарриет Наполеон III на всю жизнь сохранил чувство благодарности и любовь ко всему английскому.

Как ни печально для него, но это чувство не было взаимным. Когда он стал императором, спустя тридцать шесть лет после Ватерлоо, англо-французская вражда не то что никуда не делась, она даже процветала в Британии. В августе 1853 года Виктория взяла с собой одиннадцатилетнего Берти на Королевский военно-морской парад в Соленте¹⁴, задуманный как демонстрация силы, чтобы напомнить Наполеону III о Трафальгаре и предостеречь от провокаций в отношении соседей. В последний раз такой смотр проводился в 1814 году, за год до Ватерлоо, зато теперь британский флот был оснащен самым современным 131-пушечным военным кораблем «Герцог Веллингтон», который был спешно переименован после смерти национального героя, поставившего крест на карьере Наполеона Бонапарта. Даже старенькая «Виктория», флагман Нельсона при Трафальгаре, присутствовала на параде 1853 года и салтовала своим молодым преемникам. Пожалуй, единственным диссонансом на этом параде мощи была яхта «Фея», с которой Виктория и королевская семья наблюдали за происходящим.

Но бритты были не одиноки в своих попытках поставить новоиспеченного императора на место. Высшие слои французского общества тоже были настроены крайне недружелюбно. «Настоящая» аристократия – та, что была титулована королем, а не императором, – видела в Наполеоне III и его испанской жене, императрице Евгении, самых что ни на есть *parvenus*¹⁵. Между тем другие ветви семьи Бонапарта завидовали своему кузену и отказывались присоединяться к его двору.

В стремлении придать легитимность Второй империи Наполеон III обратил свой взор за пределы Франции и попытался завязать личные отношения с европейскими собратьями-суверенами. Но когда в 1854 году он закинул удочку в сторону Виктории, то получил предсказуемый отказ, несмотря на то что с октября 1853 года две страны – впервые за многие столетия – сражались на одной стороне – в Крымской войне¹⁶.

Англофобы в Париже поспешили заметить, что неприветливость Виктории была вполне в духе британцев, которые не прочь принять помощь Франции в защите своих интересов на востоке, но из-за врожденного снобизма не могут им пригласить нового союзника на ужин. Ближайший сподвижник Наполеона III, Орас де Вьель-Кастель, презрительно заметил в своих мемуарах, что Виктория отказала в «личном приглашении императору и импе-

---

¹⁴ Пролив в северной части Ла-Манша, отделяет остров Уайт от южного берега Великобритании. Через пролив проходят многочисленные маршруты пассажирских, грузовых судов и военных кораблей, кроме того, он является важной рекреационной зоной, особенно для парусного спорта. – *Примеч. пер.*

¹⁵ Парвеню, выскочка (*фр.*) – *Примеч. пер.*

¹⁶ Не все в Британии чувствовали себя комфортно в связи с этим внезапным англо-французским альянсом; сэр Джеймс Грэм, первый лорд Адмиралтейства, называл его «противоестественным».

ратрице французов», как будто их титулов достаточно для того, чтобы заполучить билет на проезд через Ла-Манш.

Но хитрый Наполеон не сдавался. Он вскользь упомянул о том, что хотел бы приехать в Лондон и доставить персональное приглашение Виктории и Альберту для участия в *Exposition Universelle*¹⁷ 1855 года, которая должна была состояться в Париже. По-видимому, он знал, что Альберт живо интересуется новинками науки и техники и даже был одним из инициаторов Всемирной выставки 1851 года в Лондоне, на которой, к великому недовольству Наполеона, среди почетных гостей были и члены свергнутой французской королевской семьи.

Уловка сработала, и официальное приглашение посетить Лондон было направлено.

В апреле 1855 года корабль с французской императорской четой пришвартовался в Дувре (в густом английском тумане, который они, возможно, приняли за дурное предзнаменование), но на берегу гостей встречала не Виктория, а ее супруг. Другие суверены, быть может, восприняли бы это как оскорбление, но Наполеон и Евгения не обратили на это внимания и немедленно принялись обольщать сурового Альберта. У обоих мужчин было что-то общее, потому что Наполеон III говорил с сильным швейцарско-немецким акцентом, чему поспособствовала одна из его иностранных ссылок после падения Бонапарта. Так что беседа протекала в тевтонской манере, неспешно – это было под стать английским железным дорогам того времени, – и путешествие на поезде до вокзала Паддингтон, видимо, прошло очень гладко.

В Виндзоре их поджидала – без сомнения, тщательно продумав степень снисходительности, с которой подобает встретить французских выскочек, – королева Виктория, чье отношение к императорскому визиту ясно выражено в ее письме к статс-секретарю по иностранным делам графу Кларендону в октябре 1854 года: «Его [Наполеона] прием здесь должен быть благом для него, а не благом для нас». Она собиралась встретить его как бедного родственника с протянутой рукой.

Но если Виктория и была поначалу слегка холодна со своими французскими гостями, то лед недоверия очень скоро растаял. Низкорослый Наполеон был далеко не красавец в сравнении со статным Альбертом – чего стоили его клочка-стая борода и нелепые вощеные усы, которые торчали длинными острыми иглами, – но зато он был прирожденным сердце-едом. Как отмечал Жак Дебюсси, биограф императрицы Евгении, Наполеон «без промедления завоевал симпатии королевы [Виктории], как это бывало со всеми, кого он хотел обольстить»¹⁸.

Наполеон, возможно, и не пытался затащить Victoire в постель, но, читая между строк ее описания государственного визита, нетрудно заметить, что француз применил все свои галльские приемы обольщения. Как признавалась Виктория своему другу, сэру Теодору Мартину, император был «так прост, даже наивен, и так радовался, когда ему рассказывали что-то новое, чего он не знает» (прямо слышится, как Наполеон говорит королеве: «О, мадам, вы меня околдовать, прошу, расскажите еще что-нибудь об идеаль диет для корги»), и «так великодушен, тактичен» («Не волнуйтесь, Ваше Majesté¹⁹, ваша тайная ненависть к ваш премьер-Ministère²⁰ умирать во мне»), и «настолько внимателен по отношению к нам, не сказал и не сделал ничего, что могло бы вывести меня из терпения» («Да, майн дорогая Виктория, я просто *adore*²¹ отварной фазан»). Это был французский *séducteur*²² во всем

---

¹⁷ Всемирная выставка (фр.). – Примеч. пер.

¹⁸ По-французски это *séduire*, что может означать и обольщение, и совращение.

¹⁹ Величество (фр.). – Примеч. пер.

²⁰ Министр (фр.). – Примеч. пер.

²¹ Обожаю (фр.). – Примеч. пер.

блеске своего таланта, терпеливо и любовно обхаживающий свою добычу, словно рыбак, подцепивший на крючок призывную форель.

И апофеозом этого действия, пропитанного пьянящей атмосферой эротики, стало вручение Наполеону высшей награды Британии – ордена Подвязки, учрежденного еще в XIV веке королем Эдуардом III, так энергично кружившего в танце даму, что та обронила подвязку. Король поднял ее, повязал на свою ногу выше колена и объявил (на французском языке): «Да будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает», вероятно, при этом подразумевая: «Если вы полагаете, что я собираюсь и дальше ее раздевать, это все ваши грязные домыслы». Как и следовало ожидать, слова короля и стали девизом ордена: «*Honi soit qui mal y pense*»²³. Орден Подвязки был вручен Наполеону по праву как прибывшему с визитом главе государства, но его наэлектризованные отношения с Викторией, должно быть, добавили церемонии французской *frisson*²⁴.

После недельной череды публичных и частных мероприятий, когда еще не окончательно рассеялся дурман английского высокомерия, Виктория писала своему дяде Леопольду, что «наши высокие гости... ведут себя с большим тактом», как будто удивленная тем, что глава французского государства и его супруга правильно держат нож и вилку и не вытирают рты о скатерть. Но обе супружеские пары преодолели все разногласия и стали хорошими друзьями, так что ответный визит был согласован.

IV

До того как тринадцатилетний Берти узнал, к своему великому восторгу, что будет сопровождать родителей во Францию, его детство было, без сомнения, унылым. В попытке вылепить из мальчика идеального англо-немецкого принца, отец воспитывал Берти в режиме строжайшей дисциплины и принуждения.

Репетиторы были обязаны – с согласия Виктории – заниматься с мальчиком по шесть часов в день шесть дней в неделю немецким, французским языками, латынью, арифметикой, историей, с упором на германскую, прежде всего рассказывая об истории королевских домов. Чтобы избежать дурного влияния, Берти держали подальше от других детей – за исключением его ближайших родственников, – и после отмеченного преподавателями отставания в учебе от младшего брата, Альфреда, Берти был объявлен недоумком и переведен на индивидуальное обучение в полном одиночестве, изредка оживляемом коротким натянутым общением с мальчиками из Итона, считавшимися достойной компанией для принца.

Юный Берти был вынужден писать тематические эссе для своего отца, каждое из которых подвергалось жесткой критике, а вердиктом был наказ учиться еще усерднее. Когда расстроенный мальчик бунтовал, топая ногами и швыряя разные предметы, Альберт устраивал ему показательную порку. Короче говоря, тело и душа юного Берти сполна хлебнули унижений и страха неудач²⁵.

Даже учитель-француз десятилетнего принца, некий доктор Вуазен, заметил, что мальчика перегружают интеллектуальной работой, и это отчасти напоминало жалобу военного инструктора викингов на то, что учебный план предусматривает слишком много мародерства.

---

²² Соблазнитель (фр.). – Примеч. пер.

²³ «Да будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает» (фр.). – Примеч. пер.

²⁴ Дрожь (фр.). – Примеч. пер.

²⁵ Кстати, на страхе неудач и унижении до сих пор строится французская система образования, которая ставит перед собой задачу доказать – пусть и необоснованно, как думают некоторые, – что учителя знают больше, чем их ученики.

«Заставляй его лазать на деревья! Бегать! Прыгать! Грести! Скакать верхом!» – призывал Вуазен главного наставника юного Берти, наискуднейшего двадцатилетнего барристера Фредерика Веймаута Гиббса. Но эти и другие просьбы доктора Вуазена позволить мальчику хоть что-то из детских забав были проигнорированы его родителями.

Однако не стоит возлагать на Викторину и Альберта всю вину за излишнюю жесткость. Альберт и сам пережил трудное детство: когда ему исполнилось пять лет, его мать ушла из дому, вышла замуж за своего любовника и больше никогда не видела своих детей, скончавшись от рака в возрасте всего лишь тридцати лет. Отец Альберта, известный распутник, вскоре женился на родной племяннице и отвернулся от своего потомства. Надо полагать, естественно, что эти печальные события разожгли в Альберте горячее желание добиваться стабильности любой ценой.

Викторию тем временем преследовал страх, что ее сыновья могут унаследовать дурные гены ганноверской ветви ее семьи. Дядей Виктории был «сумасшедший» король Георг III, первый из королей, любивший разговаривать с деревьями, а кузеном ей приходился сластолюбец Георг IV, кончину которого газета «Таймс» отметила таким издевательским пассажем: «Еще никогда о потере какой-либо персоны соотечественники не сожалели меньше, чем о смерти этого короля». Нет, такая ДНК явно не способствовала сохранению британской монархии. А Виктория с детства была убежденной роялисткой, и, как замечает в едкой биографии королевы Литтон Стрейчи, ее любимой мелодией в молодости была «Боже, храни короля».

Когда малышу Берти было всего несколько дней от роду, Виктория писала своему дяде, королю Бельгии Леопольду: «Я надеюсь и молюсь, что он будет таким же, как его дражайший отец». Месяц спустя она написала снова, более решительно повторяя: «Вы поймете, как отчаянно я молюсь... чтобы увидеть в нем отражение его ангельски доброго отца, его тела и души». Как видим, Виктория молила Бога о том, чтобы Берти вырос настоящим немецким ханжой, который ненавидит забавы и ни черта не смыслит в крикете.

И конечно, целиком и полностью благодаря столь деспотичному воспитанию, Берти взбунтуется и станет обаятельным плейбоем, любителем азартных игр и флирта – воплощением всего, что внушало ужас его родителям. Собственно, через такую палочную систему воспитания прошли большинство мальчишек – отпрысков британских аристократических семей того времени, так что Виктория и Альберт ничем не выделялись среди других родителей – последователей современной английской педагогической мысли.

До первого визита во Францию у Берти была единственная отдушина в жизни: время от времени Альберт брал его с собой на охоту в Виндзор и Балморал, – и эта страсть останется с ним до конца жизни. Изредка ему выпадало счастье сопровождать одного или обоих родителей на официальные мероприятия, такие как торжественные похороны герцога Веллингтона в 1852 году, военно-морской парад 1853 года, а также присутствовать на долгих церемониях, на которых его мать награждала солдат, вернувшихся из Крыма, Крестами Виктории. А в целом его детство нельзя было назвать богатым на события.

Поэтому, когда Берти сказали, что он едет с Викторией, Альбертом и сестрой Вики в Париж, он, должно быть, ликовал, как школьник, узнавший о предстоящей долгой экскурсии с классом, – никаких уроков целых десять дней! Даже новость о том, что ему придется надеть военную форму – килт, – наверное, не огорчила его, поскольку у него не было одноклассников, которые могли предупредить Берти, что французы обязательно посмеются над подростком в юбке.

Но, вероятно, самой захватывающей в этой поездке в Париж была перспектива снова увидеть императрицу Евгению.

Как и Наполеон III, императрица поднималась на вершину французского общества, эксплуатируя свои природные данные. В то время как большинство избранных Наполеона,

учитывая его статус, немедленно сдавались под напором его шарма, Евгения заставила его ухаживать за ней в течение двух с лишним лет и в конце концов жениться. Писатель Проспер Мериме, автор оригинальной истории Кармен и старинный друг Евгении, написал не совсем приличный куплет об императорской чете: «Император на троне из-за элекции, а Евгения – из-за эрекции». Она не была классической красавицей, но все, кажется, были согласны с тем, что от нее исходит мощное сексуальное притяжение.

Берти успел пообщаться с ней во время визита французской четы в Англию и написал в своем дневнике, что она «очень мила» – смелое признание, если учесть, что ведение дневника было одним из заданий, придуманных отцом Берти, так что личным его никак нельзя было назвать. Во время своего недолгого пребывания в Виндзорском замке Евгения, мечтавшая о детях после нескольких неудачных беременностей, расточала на мальчика всю свою нежность и заботу, чего никогда не делали ни Виктория, ни Альберт, и легко представить себе, какое впечатление произвела чувственная француженка на обделенного любовью подростка.

Короче, если бы 18 августа 1855 года, в день переправы через Ла-Манш британского королевского семейства, вдруг заглох пароход, лихорадочный жар предвкушения, исходивший от Берти, смог бы запустить паровой двигатель на полную катушку и дотянуть пароход вверх по Сене до самого Парижа.

V

Государственный визит Виктории и Альберта во Францию можно назвать самыми удачными семейными каникулами в истории.

По всеобщим отзывам, в том числе и самой королевы Виктории, мать и дети пребывали в иступленном восторге, и даже степенный Альберт несколько раскрепостился. Те восемь славных летних дней во Франции были наполнены такими острыми ощущениями, каких юный Берти еще не знал в своей жизни.

Хотя подростку доводилось и прежде бывать в обществе вместе с родителями, прием, оказанный им в Булонь-сюр-Мер, стал для него откровением. Живописное полотно работы современника, Луи Армана, ныне хранящееся в Компьенском дворце под Парижем, дает представление о том, как все происходило и что мог чувствовать при этом впечатлительный подросток.

Бухта забита яхтами, вышедшими в море, чтобы поприветствовать королевскую семью. В заливе им салютует из пушек флотилия военных кораблей (если только французские и английские капитаны не устроили реконструкцию Трафальгара в честь полувекового юбилея битвы).

Новенькая, с иголки, королевская яхта «Виктория и Альберт» – величавая, сияющая золочеными поручнями – только что причалила к берегу, и на ее палубе толпятся французские сановники, снимающие шляпы-цилиндры в знак приветствия. Евгения, снова беременная и опасаящаяся очередного выкидыша, осталась дома, и Наполеон III прибыл в Булонь в одиночестве; вот он с гордостью сопровождает Викторину вниз по широким, застеленным красным ковром сходням к веренице конных экипажей, которые должны доставить гостей на вокзал.

Куда ни посмотри, повсюду толпы восторженных людей, пытающихся хотя бы одним глазком увидеть Берти и его семью. Много элегантных женщин в шелках и турнюрах, под зонтиками скрывающих от солнца бледную по моде того времени кожу. Целая армия императорских гвардейцев и кавалеристов сдерживает натиск экзальтированных дам.

В этом приеме не было и намека на фальшь или какую-то снисходительность. Если бы Наполеон хотел продемонстрировать свое высокое положение, он бы, как того требует обы-

чай, дождался, пока Виктория ступит на его землю. Чуть в стороне раскинулся небольшой шатер с двумя тронами, и это наводит на мысль, что первоначальный план предусматривал церемонию встречи на суше. Но Наполеон поднялся на борт, чтобы взять Викторию за руку и лично пригласить ее сойти на берег. Это был дружеский и, видимо, спонтанный жест.

После своей успешной поездки в Англию Наполеон III явно хотел доказать две вещи. Во-первых, что он полноправный европейский суверен и понимает историческое значение этого события. Ни один правящий британский монарх не был с государственным визитом во Францию со времен Генриха VI (1431 год), да и тот визит был не особенно счастливым для французов, потому что Генрих приезжал в Париж, чтобы короноваться на французский престол. Теперь у Наполеона появился шанс стереть тот эпизод из памяти своего народа.

Во-вторых, он был полон решимости показать себя гостеприимным хозяином. Наполеон хотел, чтобы все – и в Англии, и во Франции – увидели, что он умеет закатывать роскошные приемы.

Пока Берти везли сквозь ликующие толпы, он, должно быть, уже подозревал, что его ждет нечто совсем не похожее ни на одно из официальных государственных мероприятий, которые устраивали его мать и отец. Дома, в Англии, он привык к тому, что люди на улицах выказывают должное уважение к его (или, точнее, его матери) королевскому статусу. Приветствуя монарха, они восхваляли и себя как нацию. Здесь, во Франции, все было по-другому: французы были ничем не обязаны британской королевской семье, но все равно кричали: «Добро пожаловать *chez nous*,²⁶ уверяем, скучать не будете».

Вокзал был украшен так же пышно, как и гавань, и гравюры того времени изображают процессию в момент прохода через огромную арку, задрапированную флагами и цветами, с гигантской буквой V. На перроне люди приветственно размахивают платками и шляпами. Толпа была настолько плотной, что королевская компания часа на два опоздала с посадкой на императорский поезд, и он прибыл на Страсбургскую платформу в Париже²⁷ лишь в сумерках, ровно в 7 часов 12 минут вечера.

В Париже градус возбуждения поднялся еще выше, когда королевские гости отъезжали от железнодорожного вокзала под залпы салюта из ста одной пушки. Вдоль новых городских бульваров (о них подробнее в следующих главах) выстроились тысячи зрителей, наблюдавших за процессией из-за спин солдат, вытянувшихся по стойке «смирно», насколько это возможно для французского солдата.

Британские учебники истории в основном описывают, как восторженно принимали французы королевскую семью, как парижане кричали «Vive la Reine!»²⁸, но французские источники – в частности, историк Андре Кастело – не столь сентиментальны, а потому рисуют более достоверную картину. На парижскую модную сцену королева Виктория вышла в голубом платье и сером шелковом жакете, Альберт щеголял в фельдмаршальском мундире, но, как пишет Кастело, смена нарядов осталась почти незамеченной. Быстро смеркалось, и парижане – очевидцы процессии с трудом могли что-либо разобрать. Одни устали от долгого ожидания, другие выражали справедливое недовольство. Так что, по отзывам французских комментаторов, толпа не отличалась особым воодушевлением – пожалуй, любопытства было больше, чем восторгов.

---

²⁶ К нам (*фр.*). – *Примеч. пер.*

²⁷ Ныне Восточный вокзал. Северный вокзал (Гар-дю-Нор) был построен в 1846 году, но эта ветка протянулась до Лиля и далее до бельгийской границы.

²⁸ «Да здравствует королева!» (*фр.*). – *Примеч. пер.*

Но для Берти эта поездка в запряженной лошадьми карете по широким улицам ночного Парижа, где по такому случаю перекрыли движение, с лихвой компенсировала отсутствие восторгов со стороны недовольных горожан. Елисейские Поля переживали финальную стадию реконструкции, и некогда ухабистая дорога через болота приобретала лоск центральной городской авеню, по обе стороны которой тянулись выставочные павильоны стран – участниц *Exposition Universelle* 1855 года. Все эти здания впоследствии были снесены, но на месте нынешнего Гран-Пале (Большого дворца) и Пти-Пале (Малого дворца) стоял огромный *Palais de l'Industrie* (Дворец индустрии), каменная постройка длиной 200 метров и высотой 35 метров, с гигантским куполом из стекла и железа. Центр его фасада был оформлен в виде триумфальной арки, увенчанной скульптурой со «скромным» названием: «Франция коронует Торговлю и Промышленность». В тот летний вечер, когда мимо проезжал Берти, дворец с его прозрачной крышей и четырьмя сотнями окон, сверкающих огнями газовых ламп, наверное, был одной из самых ярких достопримечательностей на планете, уступая лишь лондонскому Хрустальному дворцу²⁹.

Королевский кортеж проследовал мимо Триумфальной арки, воздвигнутой в центре новой *Place de l'Etoile*³⁰, и далее по роскошной авеню прямо в темноту *Bois de Boulogne*³¹, который тоже переживал грандиозные перемены.

Старый лес для королевской охоты на западной окраине Парижа, некогда настолько густой, что аристократы скрывались там во время революции, был опустошен после наполеоновских войн оккупационными британскими и русскими войсками и нуждался в восстановлении и массовой посадке деревьев. Однако после посещения лондонского Гайд-парка Наполеон III решил, что обычный лес был бы слишком примитивным для его витринного Парижа, и заказал преобразование лесного массива в городской парк с широкими аллеями для прогулок в экипажах и даже искусственной речкой, «слизанной» с английской Серпентайн. Тут он наверняка польстил своим английским гостям, рассказав, что на ремонт и благоустройство французской столицы его вдохновил именно Лондон.

Более того, отдавая дань уважения «спорту королей», завезенному во Францию британцами, Наполеон – в дополнение к парку – заказал и строительство ипподрома, который в будущем сулил Берти массу острых ощущений.

Когда процессия пересекла Сену, Наполеон, должно быть, пожалел, что не удалось доставить королевскую семью в *Château de Saint-Cloud*³² до наступления темноты. Это была жемчужина французской архитектуры, образец классицизма, построенный по заказу брата Людовика XIV, герцога Орлеанского, а затем приобретенный Людовиком XVI в подарок своей невесте Марии-Антуанетте. Из замка с его обширным парком и террасами открывался прекрасный вид на Сену и город, и именно его Наполеон I и Наполеон III выбрали в качестве места проведения своих инвеститур. Это был высший французский символ королевского статуса, но в сумерках Виктория, Альберт, Вики и Берти могли получить лишь частичное представление о грандиозном сооружении.

Прием, который ожидал их в императорской резиденции, был роскошным и в то же время по-домашнему уютным. Его атмосферу передает картина одного из любимых художников Наполеона, Шарля Мюллера.

---

²⁹ Хрустальный дворец в лондонском Гайд-парке был построен в 1850–1851 гг. из железа и стекла к Всемирной выставке 1851 года. По завершении выставки дворец был разобран и перенесен на новое место, в лондонское предместье Сиднем-Хилл. 30 ноября 1936 года Хрустальный дворец был уничтожен пожаром и не восстанавливался. – *Примеч. пер.*

³⁰ Площадь Звезды (*фр.*) – *Примеч. пер.*

³¹ Булонский лес (*фр.*) – *Примеч. пер.*

³² Шато Сен-Клу – не дошедший до наших дней королевский дворец в 10 километрах к западу от центра Парижа, который был связан со многими знаменательными событиями в истории Франции. *Примеч. пер.*

Созданная по эскизам, которые Мюллер сделал в ту ночь, она изображает бальный зал, до отказа заполненный изысканно одетыми придворными, и это самая шикарная тусовка, которую могла предложить Франция. Среди приглашенных гостей – друзья императорской четы, союзники и конфидененты, в том числе и Матильда, кузина Наполеона и его бывшая fiancée³³, которая жила открыто со своим голландским любовником-аристократом.

Вдоль парадной лестницы стоят, как растения в кадках, солдаты в золотых шлемах с плюмажем, которые полыхают в свете увесистых люстр. И в центре этого ослепительного действия сияют королевские и императорские звезды. Среди них выделяется – как и положено заказчику полотна – Наполеон, на удивление изящный, в голубом военном мундире и узких красных брюках; его усы торчат, как стрелки часов, которые замерли на без четверти три. Рядом с ним элегантная, в платье с высоким воротником, Евгения доброжелательно смотрит на несколько старомодную Викторину, которая единственная из всех женщин в шляпке, чем-то напоминающей белый ночной чепец. Королева как будто кланяется французской паре (в конце концов, Мюллер был французом), словно выражая благодарность за приглашение в такой красивый дом. Альберт, блистающий в алой тунике, стоит с краю – видимо, чтобы не затмевать Наполеона своим высоким ростом. Альберт придерживает рукой свою саблю, и в его задумчивом взгляде читается вопрос: «Этот французик, кажется, клеит мою жену?»

Мюллер тщательно поработал и над портретами принцессы Вики – миниатюрной копии своей матери, вплоть до чепца, – и Берти, которые стоят между родителями. Молодой принц в нарядной белой рубашке и темном пиджаке, его светлые волосы зализаны назад, как будто мать все-таки заставила его взяться за гребень. Странно, но из всех присутствующих только Берти смотрит на художника. И на него будто нисходит озарение. Он в центре композиции – безусловно, самого гламурного события той ночи во всем западном мире³⁴ – и, видимо, думает: «Среди всех этих королевских и императорских взрослых особ, шикарных придворных художник выбрал и рисует меня. *Mich. Moi*³⁵. Неужели я действительно столь важная персона? Вот это да!..»

VI

В течение следующих нескольких дней Берти пришлось испытать на себе все тяготы постоянного внимания. Мало того что он находился под прицелом критического ока общественности, неотрывно следившей за передвижениями королевского семейства по городу, так еще и родители контролировали каждый его шаг, словно выискивая повод усомниться в правильности идеи взять его с собой в эту поездку. Для них

Берти по-прежнему оставался умственно отсталым мальчиком, нуждающимся в издательской опеке со стороны высококонрастных репетиторов. Здесь, во Франции, он был спущен с поводка, а посему за ним был нужен глаз да глаз.

Некоторые официальные мероприятия, наверное, были утомительны для подростка, не отличавшегося усидчивостью и вниманием, – чего стоил только трехчасовой обзор экспозиции искусства в рамках *Exposition*³⁶, где было выставлено 5000 работ двух тысяч художников из 28 стран мира (хотя половина их них были, конечно, французскими). Выставка вдохновила эстетов вроде знаменитого поэта-наркомана Бодлера, который писал, что «работы

---

³³ Невеста (фр.). – Примеч. пер.

³⁴ В тот же день было подписано соглашение между Ватиканом и австрийским правительством, которое передавало Римской католической церкви контроль над законами о браке и образовании в Австрии, но никаких пышных празднеств по этому случаю устроено не было.

³⁵ Меня (нем., фр.). —Примеч. пер.

³⁶ Выставка (фр.) – имеется в виду Всемирная выставка. – Прямей. пер.

английских художников... достойны долгого и упорного изучения». Судя по таким отзывам, тринадцатилетнего мальчика она могла довести до слез.

Один холст почти наверняка привлек внимание Берти – портрет «Императрица Евгения в окружении фрейлин» работы немецкого художника Франца Ксавера Винтерхальтера. В глазах современного зрителя бледные, томные женщины с осиными талиями, игривыми локонами, в непомерно пышных платьях выглядят декоративными живыми подушками, но для Берти (как и для всех остальных, кроме разве что самых упертых парижских революционеров) эти восемь женщин, позирующие на идиллической лесной поляне, были воплощением божественного очарования, притом что за безупречной бледностью их кожи и нарочитой изнеженностью скрывалась бесконечная уверенность в себе. И давайте не забывать о женских плечах – каждое платье, в том числе императрицы, – скроено так, что соблазнительно обнажены предплечья, а глубокие декольте буквально завораживают. Если бы кто-то из прелестниц сложил на груди руки, платье попросту свалилось бы.

Эротический подтекст картины служит своеобразной рекламой империализма.

Еще несколько десятков лет назад высокомерная заносчивость этих аристократок отправила бы их прямоком на гильотину, но теперь они бесстыдно демонстрировали свои роскошные наряды, намекая: «Держитесь Наполеона III – и тоже будете в шоколаде». В случае с Берти это пророчество сбылось уже через несколько лет.

За экскурсией по художественной выставке последовал обед, который, по-видимому, вызвал некоторое замешательство в Париже. Трапеза была обозначена в официальной программе государственного визита английским словом *lunch* (ланч), и мало кто из французов его когда-либо слышал. Один журналист сообщил, что подслушал разговор двух парижан, которые решили, что это, должно быть, опечатка и на самом деле имеется в виду *punch* (пунш) – английские гости собирались дегустировать коктейли с ромом.

Берти наверняка получил гораздо большее удовольствие от посещения *Palais de l'Industrie*, поскольку здесь была развернута экспозиция, где было много шума, пара и возбуждения. Посетители «Экспо-1855» могли увидеть суперсовременные или недавние изобретения, такие как газонокосилка, стиральная машина (не то чтобы членам королевской семьи она была необходима для личного пользования), саксофон, шестизарядный револьвер «Кольт», телеграфный аппарат, электрические часы, кофеварка мощностью 2000 чашек в час, весельная лодка из железобетона, крупнейшее в мире зеркало (высотой 5,37 метра и шириной 3,36 метра) и все виды машин, которые резали, измельчали все подряд, собирали урожай, подогревали, охлаждали или транспортировали любые промышленные и сельскохозяйственные продукты. Одной из самых популярных достопримечательностей выставки был стенд, на котором раздавали бесплатные образцы табака свежей обжарки.

Таковыми же яркими событиями стали и некоторые официальные приемы. В четверг, 23 августа, члены британской королевской семьи были почетными гостями на балу, устроенном властями Парижа в *Hôtel de Ville*³⁷. Среди приглашенных были и заезжие шейхи, один из которых поклонился Виктории и, прежде чем его успели остановить, приподнял подол платья королевы и поцеловал ее лодыжку, показав себя истинным знатоком английской истории, потому что тотчас провозгласил: «*Honi soit qui mal y pense*»³⁸. За такую шутку он мог бы схлопотать от принца Альберта, если бы Виктория не отреагировала сдержанным смехом. Несмотря на свой чопорный нрав, королева, по-видимому, уже подпала под обаяние парижской жизни.

---

³⁷ Мэрия Парижа (фр.). —Примеч. пер.

³⁸ Этот жест шейха мог быть остроумным намеком на то, что Виктория наградила Наполеона орденом Подвязки во время его визита в Англию.

Следующий день после эпизода с поцелуем лодыжки, 24 августа, удостоился повышенного внимания со стороны биографов Берти³⁹. Уже в сумерках, по окончании военного смотра с участием 45 000 солдат на *Champ-de-Mars*⁴⁰ (где впоследствии будет построена Эйфелева башня), Виктория настояла на том, чтобы отвести Берти в Дом инвалидов, к могиле Наполеона Бонапарта.

Это был спонтанный визит, поэтому, когда небольшая группа именитых гостей прибыла на место, где уже тогда был устроен музей в богадельне для увечных и состарившихся солдат, их встретил скромный, но почетный эскорт из группы вооруженных факелами ветеранов, в числе которых были и старожилы Дома инвалидов, сражавшиеся под командованием самого Бонапарта.

Была темная, ветреная ночь, и в зловещих отблесках факелов гости в сопровождении прихрамывающих ветеранов двинулись в часовню. Тело бывшего императора при полном параде покоилось в небольшой *Chapelle de Saint Jérôme*⁴¹, пока для него строился огромный мавзолей⁴². Гроб был накрыт лиловой императорской мантией, расшитой золотыми пчелами (эмблемой Бонапарта). Когда Виктория вошла в полумрак холодной часовни вместе с Наполеоном III и старыми солдатами, ее переполнило чувство торжественности момента, о чем она позже написала в своем дневнике: «Я стояла рука об руку с Наполеоном III, его племянником, перед гробом заклятого врага Англии, – я, внучка короля, который ненавидел его больше всех на свете, решительнее всех выступал против него; и вот его родной племянник, который носит его имя, оказывается моим ближайшим и любимым союзником!.. Как это странно и замечательно в одно и то же время, и кажется, что, отдавая дань уважения покойному врагу, мы тем самым устраним последние остатки вражды и соперничества, а новый союз между двумя великими и могущественными странами скреплен самими небесами!»

Виктория, должно быть, догадывалась, что такая декларация одобренной свыше дружбы между Англией и Францией не встретит понимания у британских политиков, несмотря на временный англо-французский союз в Крымской войне, но решила увековечить столь знаковый момент в истории. Повернувшись к Берти, наследнику своего трона и этой новой дружбы, она приказала ему преклонить колено перед Бонапартом. Юный принц, одетый в костюм шотландского горца, включая и спорран⁴³ (или «волосатый мешок», как назвал его Андре Кастело в своем отчете об этом визите), повиновался, и в этот миг небо расколола ослепительная молния, и от раскатов грома сотряслись стены часовни. Некоторые ветераны расценили это как знамение свыше и залились слезами.

А для молодого Берти это, вероятно, было лишним подтверждением того, что он оказался в самой гуще событий. И действительно, это была церемония, которая официально оформила его связь с Францией длиною в жизнь. Канонадой грома как будто дух самого Наполеона Бонапарта говорил мальчику: «*Bienvenue chez nous*»⁴⁴.

А еще через день, 25 августа, Берти снова позировал художнику. Картина Жозефа Луи Ипполита Белланже «Королевский визит к Наполеону III: встреча императорской охоты в Шато де ла Мюетт в Сен-Жерменском лесу 25 августа 1855 года»⁴⁵ изображает светское

---

³⁹ Список биографий, которые я прочитал во время работы над этой книгой, приведен в Библиографии.

⁴⁰ Марсово поле (*фр.*). – *Примеч. пер.*

⁴¹ Часовня Святого Жерома (<*фр.*>). – *Примеч. пер.*

⁴² Строительство гробницы было начато в 1842 году и завершено только в 1861 году.

⁴³ меховая сумка (укрепляется ремешками на поясе спереди; входит в костюм шотландского горца). – *Примеч. пер.*

⁴⁴ Добро пожаловать к нам (<*фр.*>). — *Примеч. пер.*

⁴⁵ В названии картины допущена некоторая неточность: Шато де ла Мюетт (*Chateau de la Muette*) находится на краю Булонского, а не Сен-Жерменского леса. Замок впоследствии был снесен, и на его месте отстроен современный особняк, где ныне размещается парижская штаб-квартира Организации экономического сотрудничества и развития.

собрание с участием семей французского императора и британской королевы. И как же все это не похоже на ту охоту, которую до сих пор только и знал Берти, с долгими и утомительными пешими переходами по унылым шотландским угольям.

В картине Белланже стаю гончих, построенных в боевом порядке, сдерживают охотники в зеленых мундирах, расшитых золотом, и красных рейтузах, в то время как вездесущие толпы разодетых зевак пытаются прорваться сквозь кордоны конных гвардейцев, чтобы увидеть важных персон.

Королевская и императорская семьи стоят на лужайке перед шато – Альберт и Наполеон в явно не деревенских сюртуках и цилиндрах, а Виктория в ярко-розовом платье на удивление элегантна. На самом деле она выглядит точно так же, как и французские *dames*⁴⁶, что наблюдают из окон замка, так что можно лишь догадываться – то ли королева искренне приняла *la vie parisienne*⁴⁷, то ли Белланже несколько вольно обошелся с истиной. Пожалуй, в этой картине все-таки больше дипломатии, чем реализма, поскольку Наполеон и Виктория не уступают в росте Альберту. Берти между тем, в длинных брюках и шапке горца, смотрит вверх, на своего отца, будто спрашивая: «Эти люди здесь для того, чтобы посмотреть и на *moi aussé*⁴⁸, правда?» С каждым днем он словно прибавлял в росте.

Королевский визит достиг своей кульминации в тот же вечер, когда Евгения и Наполеон давали роскошный бал в Версале. Даже по высоким стандартам того времени это было грандиозное событие. Французский обозреватель, фотограф Карон де Лаланд, писал, что *soirée*⁴⁹ «мог бы показаться волшебной сказкой, если бы счастливые свидетели этих чудес не подтвердили, что они действительно видели и трогали все эти невообразимые *somptuosité*⁵⁰, вдыхали ароматы изысканных цветов, отражавшихся в ослепительном сиянии бесконечной галереи зеркал».

Наполеон III, как и Альберт, был поборником современных технологий, и его стараниями дворец Людовика XIV был оборудован новейшим газовым освещением, да так, что свет лился рекой. В парадных залах было светло как днем – поистине волшебство для людей, привыкших к тусклому мерцанию свечей. Повсюду были цветы и растения – в напольных вазах вдоль стен и свисающие с потолка, как разноцветные люстры. Гости не уступали в блеске декору – море шелка, белые бриджи, оголенные плечи, воцеленные усы. Больше тысячи привилегированных завсегдатаев светских раутов танцевали под музыку в исполнении четырех оркестров, одним из которых дирижировал австрийский маэстро вальса, сам Йоганн Штраус.

Беременная Евгения, все реже появлявшаяся на публике, вышла лишь встретить английских гостей, когда они прибыли в экипаже из Сен-Клу. Императрица ожидала их на вершине лестницы, что, возможно, было неведомо Виктории, но на самом деле означало протокольную победу и подтверждало статус Евгении – королева была вынуждена подняться, чтобы поприветствовать ее⁵¹.

Виктория с гордостью отметила в своем дневнике, что «в Версале не было балов со времен Людовика XVI». И это тоже был важный шаг для Евгении, которая отныне возвысила себя до статуса Марии-Антуанетты.

---

⁴⁶ Дамы (фр.). – Примеч. пер.

⁴⁷ Парижская жизнь (фр.). – Примеч. пер.

⁴⁸ На меня тоже? (<фр.). – Примеч. пер.

⁴⁹ Суаре, званый вечер (фр.). – Примеч. пер.

⁵⁰ Пышность, роскошь (фр.). – Примеч. пер.

⁵¹ Наполеон, напомним, поступил иначе в Булони и сам поднялся на борт яхты, чтобы поприветствовать Викторию.

Ночные торжества открылись вальсом с участием королевских особ, включая Берти, который присоединился к взрослым и оправдал все ожидания. За танцами последовал ужин в *Opéra Royal*⁵², приватном театре во дворце Людовика XIV.

Сохранились фотографии этого *soirée*, как и многих других событий государственного визита Виктории, хотя, как и следует ожидать, они черно-белые и статичные. Но положение спасает живописное полотно, которое передает все очарование этого празднества. Картина Эжена Лами «Ужин в Версале в честь королевы Англии 25 августа 1855 года» изображает сцену, которая скорее напоминает не государственный банкет (локти плотно прижаты к корпусу, не дай бог обрызгать супом бельгийского посла), а пышный, почти разгульный свадебный прием. Вместо формальных разговоров о Крымской войне и дефиците торгового баланса под легкий перезвон серебряных приборов и фарфора так и слышатся оживленные голоса и громкий смех.

Императорская чета и их почетные гости, включая Берти и его сестру, сидят за длинным столом в королевской ложе. Внизу, в зоне партера, еще четыреста гостей, но они не просто едят – половина из них на ногах, они переходят от столика к столику, говорят *bonsoir*⁵³ друзьям и знакомым, демонстрируют свои новые наряды. А из амфитеатра и с балконов наблюдают за происходящим менее именитые гости, которые приглашены танцевать, но не ужинать. Они склоняются над парапетами, показывают пальцами на знаменитостей, любят ослепительными нарядами.

Берти наверняка не видел ничего подобного в своей жизни, как, собственно, и Виктория, которая написала в своем дневнике, что это было «одно из самых великолепных зрелищ, которые нам когда-либо доводилось наблюдать».

После ужина состоялся фейерверк с пиротехнической картиной Виндзорского замка, а потом опять были танцы, которые продолжались до трех часов ночи, хотя, судя по записям в дневнике, Виктория и ее семья уехали в два ночи, и «дети были в полном восторге».

Восторг Берти как раз очень легко понять. У Наполеона был не королевский двор в английском понимании этого слова – он жил в атмосфере французского карнавала, в императорском тематическом лагере отдыха. Должно быть, Берти уже догадался, что жизнь суверена не ограничивается управлением своими подданными и изучением грамматики немецкого языка. Суверен может жить в свое удовольствие, и, если у него достаточно слуг, денег, дворцов и красивых придворных дам, это сулит величайшее наслаждение.

Поэтому неудивительно, что на следующее утро, в последний день визита, Берти и Вики пошли упрашивать Евгению, чтобы та убедила их родителей позволить им остаться. Когда Евгения дипломатично ответила, что Виктория и Альберт не смогут обойтись без них, Берти, говорят, парировал: «Не смогут обойтись без нас! Даже не думайте. Мы им не нужны, да и к тому же дома таких, как мы, еще шестеро».

Когда позже в тот день королевское семейство, в сопровождении Наполеона, отбывало со Страсбургской платформы, одна из провожающих, графиня д'Армай, заметила, что Берти «все оглядывался в отчаянии по сторонам, словно не хотел упустить этих последних мгновений в Париже».

После очередного смотра войск в Булони, который Виктория описывала как «лес штыков» (возможно, Наполеон намекал ожидающим ее офицерам Королевского военноморского флота, что его побережье надежно защищено), состоялся прощальный ужин, за которым последовали эмоциональные прощания. Дети плакали, пока их яхта отчаливала от берегов Франции, и во многом по тем же причинам, что и юная королева Мария Шотландская (напо-

---

⁵² Королевская опера (фр.) – Примеч. пер.

⁵³ Добрый вечер (фр.). – Примеч. пер.

ловину француженка⁵⁴) тремя столетиями ранее, когда ее вырвали из уютной жизни при французском дворе, чтобы отправить властвовать над непокорной Шотландией.

Берти, возможно, был потрясен тем, что его французские каникулы неожиданно закончились, но наверняка в нем проснулось твердое желание любой ценой *вернуться* во Францию и возобновить веселье с того момента, на котором оно оборвалось. Словно диккенсовский бродяга, впервые вкусивший торта, он осознал, что где-то существует лучшая жизнь. И, благодаря Наполеону и Евгении, Берти уже не сомневался, что Франция и есть то место, где его всегда примут с распростертыми объятиями.

Да, именно с распростертыми объятиями, иначе не скажешь. Потому что не только торжественные церемонии оставили след в его душе. Куда важнее то, что он получил огромный заряд самооценки. После долгих лет унижительного существования в окружении сухарей-репетиторов и вечно недовольных родителей, образования, которое состояло из постоянных напоминаний о том, что он только зря изводил чернила, во Франции на него обрушился настоящий успех. Здесь его любили, хотели писать его портреты, им искренне *восхищались*. Он не только вел себя по-королевски на публике, заслуживая даже материнское одобрение, стирая воспоминания о домашних скандалах и истериках, он отлично танцевал, вел разговоры с императором, императрицей и их придворными и добился того, о чем в Англии не мог и мечтать: он *пришелся ко двору*. Он оказался хорошим собеседником. Он был своим в этой компании.

Более того, никто в Париже не косился на него из-за его немецкого акцента. Всю свою жизнь он будет неправильно произносить английскую букву R (грассируя по-тевтонски), но это только помогло ему лучше говорить по-французски.

К нему относились скорее как к достойному взрослому другу, чем как к незадачливому наследнику. Наполеон взял Берти на персональную экскурсию по столице и сам управлял экипажем. Потом они вдвоем прогуливались по террасам дворца Тюильри⁵⁵, болтая по-мужски. Как и все остальное в парижской поездке, это был совершенно новый опыт для Берти – этот всемирно известный француз нашел время, чтобы показать ему город, поговорить о чем-то другом, только не об учебе и безумных предках по материнской линии.

Нетрудно догадаться, о чем мог рассказать Наполеон своему юному *у protégé*⁵⁶, сыну, о котором он давно мечтал и пытался обрести с тех пор, как женился на Евгении. Наполеон был оппортунистом, который добился императорского трона коварством и решимостью, не без помощи своей бонапартистской крови, подавив жесткую оппозицию со стороны как роялистов, так и республиканцев. Как и все, кто сделал себя сам, он наслаждался честно заработанными дивидендами. Так что невозможно представить, чтобы он не поделился некоторыми из своих секретов с английским принцем, который слушал его с благоговением и выражал восторженное восхищение всем, что видел и делал в Париже.

– Придет день, – возможно, говорил император юному Берти, – ну тебя будут собственные придворные. И поверь мне, *petit Prince*⁵⁷, у тебя отбоя не будет от женщин. Разве ты не видел, как все они хотят говорить и танцевать с тобой? Через десять – да даже пять лет – они будут падать к твоим ногам. Ты будешь выбирать из самых красивых девушек в своей стране... нет, во всей Европе. Посмотри на меня, я невысок, не так уж хорош собой, но я могу получить любую женщину, лишь щелкнув пальцами. Конечно, Евгению это не слыш-

---

⁵⁴ В книге «Англия и Франция: мы любим ненавидеть друг друга» подробно рассказано о том, какие проблемы доставило это двойное гражданство Марии (или Мари, как она сама себя называла).

⁵⁵ Дворец Тюильри, построенный в XVI веке и впоследствии ставший парижским домом Наполеона Бонапарта, соединял два крыла Лувра. Он был разрушен коммунарами вскоре после падения Наполеона III, в мае 1871 года.

⁵⁶ Протеже (фр.). – Примеч. пер.

⁵⁷ Маленький принц (фр.). – Примеч. пер.

ком-то радуется, но я сделал ее императрицей, и она благодарна мне за это. Твоя принцесса будет так же терпима к тебе.

Произнося такие речи, покоритель мира наверняка беспечно попыхивал сигарой, что тоже было в новинку для Берти, поскольку оба его родителя испытывали отвращение к табаку. Как и распутный нрав Наполеона, курение сигары было знаком отличия, которому Берти соответствовал всю свою жизнь, пока болезнь легких не стубила его.

Если Берти и был для Наполеона сыном, о котором тот всегда мечтал, то Наполеон был для Берти отцом, которого ему так не хватало, и неудивительно, что мальчик сказал императору: «У вас очень красивая страна. Я бы хотел быть вашим сыном».

Евгения тоже расточала Берти знаки внимания и ласки, и, пожалуй, даже больше, чем во время визита в Лондон. Теперь, когда она была беременна и пропускала большинство публичных мероприятий, Берти чаще общался с ней наедине, в интимной обстановке ее *boudoirs*⁵⁸. Красивая женщина в положении, да еще в компании впечатлительного, изголодавшегося по нежности подростка – это прямо-таки гремучая смесь.

И внимание Евгении усиливалось интересом со стороны ее вездесущих компаньонов, восхитительных *dames d'honneur*⁵⁹, которыми Берти любовался на групповом портрете во время посещения «Экспо». В отличие от его матери, императрица выбирала фрейлин за их красоту и остроумие, а вовсе не за «голубую кровь» и любовь к собакам.

И не то чтобы Евгения или ее эротический антураж намеренно возбуждали тринадцатилетнего мальчика. Вокруг них увивалось немало воздыхателей, на которых можно было обратить свои чары. Но они были болтливы и очаровательны, соблазнительны в своем кокетстве и со стороны больше напоминали компанию подружек, чем суверена и служанок. И когда в Версале, блистательные в своих бальных платьях, эти аристократические французские *femmes fatales*⁶⁰ нежно обнимали Берти или позволяли ему кружить их в вальсе, их обнаженные плечи и ободряющие улыбки пьянили юношу похлеще *Champagne*⁶¹.

Французский биограф Эдуарда VII, Филипп Жулиан, среди работ которого и альбом фотографий ню XIX века, представляет сугубо французский взгляд на внезапное сексуальное пробуждение Берти. В Париже, пишет Жулиан, юный принц «впервые вдохнул *odor difemina*⁶². и по его следу он будет идти до конца своей жизни. Благоухающие красавицы не только целовали его (в конце концов, он был еще ребенок), но и делали перед ним реверанс, и, когда подавались вперед, их *décolleté*⁶³ обнажали прелести, которые были завуалированы в Виндзоре».

Откровенничая в своем дневнике, Виктория и сама невольно отметила этот романтический флер, который сопровождал Берти в его первой поездке в Париж: «Красота французской столицы, живость французского народа, *bonhomie*⁶⁴ французского императора, элегантность французской императрицы произвели неизгладимое впечатление на его [Берти] жаждущую удовольствий натуру».

Конечно, королева еще не догадывалась, какого рода удовольствий жаждет ее сын и насколько сильно разыграется его аппетит в очень скором времени...

---

⁵⁸ Будуар (фр.). – Примеч. пер.

⁵⁹ Фрейлина (фр-)* – Примеч. пер.

⁶⁰ Роковые женщины (фр.). – Примеч. пер.

⁶¹ Шампанское (фр.). – Примеч. пер.

⁶² Запах женщины (лат.). – Примеч. пер.

⁶³ Декольте (фр.). – Примеч. пер.

⁶⁴ Добродушие (фр.). – Примеч. пер.

Глава 2

С королевской невинностью обходятся не по-королевски

*Женщины, которых он целовал мальчиком, теперь были готовы
отдаться ему, молодому мужчине.*

Филипп Жулиан, биография Эдуарда VII

I

До сих пор Берти видел шампанское только пузырящимся в чужих бокалах и наблюдал со стороны, как оно ударяет в голову. Сам он еще, можно сказать, и пробки не нюхал. И долгое время после семейной поездки в Париж не было и намека на то, что Берти может вернуться во Францию, чтобы еще раз вкусить земных удовольствий, доступных только там. Если не считать короткой вылазки вместе с родителями в августе 1858 года для встречи с Наполеоном и Евгенией в Шербуре, деликатесы французского императорского двора в британском королевском меню не значились.

Проблема была в политике. Наполеон III, видимо, взял урок у своего воинственного дядюшки и решил, что лучший способ удержать власть – это склонить на свою сторону французских патриотов, докучая соседям. После окончания Крымской войны в 1856 году он начал вмешиваться в итальянские дела, помогая «освобождению» районов страны, оккупированных Австрией, чем вызывал немалое беспокойство Англии и Пруссии, которые опасались общеевропейской войны. И всего через пару лет после разгрома русских в Крыму Наполеон вступил в якобы тайные, но на самом деле с тщательно организованной «утечкой» переговоры с царем о создании восточно-западного альянса, который угрожал разрезать Пруссию, как толстую сосиску, отвалив Франции западный берег Рейна.

Все это огорчало и приводило в ярость Викторию. Она по-прежнему отправляла Наполеону теплые письма от его «преданной сестры», но перед своими министрами и дядей Леопольдом, королем Бельгии, клеймила французов почему зря.

Когда в мае 1860 года Наполеон вторгся в Неаполь, она сокрушалась в письме к Леопольду: «Ни одна страна, ни одно живое существо никогда и не помышляли о том, чтобы беспокоить или атаковать Францию⁶⁵, каждый был бы рад видеть ее процветающей, но она, должно быть, считает своим долгом нарушать покой во всех уголках земного шара и нести зло... и, конечно, когда-нибудь это закончится очередным крестовым походом против первого в мире возмутителя спокойствия! Это чудовищно!»

Леопольд предупредил Викторию о французском лицемерии и посоветовал «делать все возможное, чтобы оставаться в хороших личных отношениях с императором», но не забывать о том, что «французы не любят англичан как нацию, хотя могут быть добры к тебе лично».

Одним словом, в течение лет пяти после незабываемых парижских каникул Берти любой его намек родителям на повторный визит, должно быть, встречал гневную отповедь и обвинения в неспособности понять основы мировой политики. В какой-то степени это объясняет, почему Берти так преуспел в дипломатии – после достижения совершеннолетия

---

⁶⁵ Королева, очевидно, запомнила по крайней мере о предыдущих пяти столетиях англо-французской истории.

он задался целью не допустить, чтобы политика вставала между ним и его прогулками по Парижу.

Ну а пока Берти приходилось слушаться маму и папу, и истерики случались все чаще, пока его не сослали в резиденцию Ричмонд-парк вместе с капелланом, преподавателем латыни и тремя молодыми людьми лет двадцати с небольшим (двумя майорами и лордом), чьей коллективной миссией было сформировать его характер. Принц Альберт написал подробную программу, требуя от новых наставников Берти следить за тем, чтобы мальчик воздерживался от «потворства собственным слабостям, не разваливался в креслах и на диванах, не сутулился на стуле, не держал руки в карманах». Кроме того, было крайне важно, чтобы молодой принц Уэльский избегал «легкомыслия и глупого тщеславия дендизма». С таким же успехом Альберт мог бы просто сказать: «Сделайте так, чтобы из Берти не получился француз».

II

Отлученный от Наполеона и *parisiennes*⁶⁶, Берти занялся поисками других источников *éducation sentimentale*⁶⁷, В июле 1857 года, в возрасте 15 лет, он был отправлен в образовательный тур по Европе в сопровождении четырех тщательно проверенных ровесников – трех молодых аристократов и Уильяма Гладстона, старшего сына канцлера казначейства с таким же именем. По плану Берти должен был на три месяца обосноваться в Германии, в Кёнигсвинтере на Рейне, откуда он мог ненадолго выбираться за границу, в Швейцарию и Францию, чтобы совершать оздоровительные пешие прогулки и дышать свежим воздухом. Париж был категорически исключен из списка маршрутов.

Однако в первую же ночь в Кёнигсвинтере свобода и местное вино вскружили Берти голову, и он поцеловал девушку. Событие считалось настолько серьезным, что взрослые наставники Берти решили не упоминать о нем в своих докладах принцу Альберту, резонно опасаясь, что поездка будет тотчас прервана, а лето безнадежно испорчено.

На самом деле это было очень символично, что сын Альберта поддался искушению именно здесь. Ведь, по народной легенде, чуть выше по течению от Кёнигсвинтера самая известная рейнская дева, русалка Лорелей, усевшись на скале с видом на реку, своим пением заманивала доверчивых мужчин на погибель. В то время она была героиней известной песни, ставшей декорацией к стихотворению Генриха Гейне *Lied von der Loreley* («Лорелей»), в котором описывается, как «прекрасная девушка сидит над обрывом крутым... расчесывает свои золотые волосы и поет песню, полную власти и силы волшебной». Пловец в челноке «с тоскою глядит в вышину... и несется к скалам гранитным». Бедняга тонет в пучине злых волн.

Конечно, в случае с Берти все было не так трагично, но по реакции на его первый поцелуй можно было подумать, что он только что нырнул с головой в бурный поток разврата. Молодой Гладстон в письме к своей матери сообщил шокирующую новость о том, что Берти вступил в добрачный оральный контакт с девушкой. Миссис Гладстон, разумеется, передала информацию своему мужу, который впал в ярость, заявив, что «принц Уэльский не получает воспитания, достойного его положения». Он назвал прилюдный поцелуй «непозволительной шалостью» и выказал уверенность в том, что Берти становится «распутником».

И это заявлял политик, который, как известно, сам рыскал по лондонским улицам в поисках проституток, с которыми вел душевспасительные беседы, после чего возвращался домой и порол себя плеткой. Уж в распущенности Гладстон определенно знал толк.

---

⁶⁶ Парижанки (фр.). – Примеч. пер.

⁶⁷ Сентиментальное воспитание (фр.). – Примеч. пер.

В 1858 году, в свой семнадцатый день рождения, Берти, возможно, решил, что свобода уже не за горами. Он получил письмо от родителей, которые объявили, что выделяют ему ежегодное персональное содержание в размере 500 фунтов стерлингов – немалые деньги по тем временам. Кроме того, ему было позволено вступить в армию в звании подполковника, о чем он давно мечтал.

Конечно, подобная новость была слишком хороша, чтобы оказаться правдой. Берти по-прежнему должен был находиться под постоянным присмотром блюстителя нравов, некоего полковника Роберта Брюса, болезненно серьезного солдафона, даже внешне похожего на Альберта, с такой же лысой макушкой и густыми усами. Брюс получил от Альберта инструкцию «следить за всеми передвижениями принца, контролировать распорядок дня и все, чем он занимается в повседневной жизни». Но прежде всего, как было указано, Берти надлежало практиковать «рефлексию и самоограничение».

Казалось, родители уже смирились с тем, что толку от старшего сына не будет. Принц Альберт в письме к своей старшей дочери Вики, которая незадолго до этого вышла замуж за наследного принца Пруссии Фридриха (отца будущего кайзера Вильгельма II, который вступит в войну с Англией в 1914 году), прошелся по интеллекту Берти тевтонской шуткой, заметив, что «пользы от него не больше, чем от пистолета, лежащего на дне чемодана, когда на тебя нападают грабители в разбойных Апеннинах».

Если Альберту вспомнились итальянские Апеннины, так это потому, что, прежде чем отпустить Берти в армию, он планировал отправить его в Рим, чтобы изучать древности по первоисточникам. Все попытки научить сына латыни по книгам с треском провалились. Находясь в Риме в начале 1859 года, Берти получил разрешение посетить папу Римского, но только под бдительным оком полковника Брюса, из опасения, что молодой принц, оставшись с понтификом наедине, может пообещать разгромить англиканскую церковь. Все кончилось тем, что полковник Брюс спешно выпроводил Берти из Ватикана, как только в разговоре был поднят вопрос об английском католицизме.

В Риме Берти действительно изучал искусство, хотя и не только древнее. Он побывал в студии известного английского художника Фредерика Лейтона, где его привел в восхищение портрет знойной итальянской красавицы Нанны Ризи. Заряженная эротикой картина была уже продана, но Лейтон убедил покупателя отменить сделку и уступил портрет своему именитому английскому визитеру. Пожалуй, впервые Берти увидел, что его положение позволяет ему получить любую женщину, какую он только пожелает.

Находясь в Италии, Берти познакомился с Эдвардом Лиром⁶⁸, создателем поэтической тарабарщины, который высоко отозвался о принце, отметив, что «таких изысканных манер еще ни у кого не встречал». Берти довелось встретиться и с поэтом Робертом Браунингом⁶⁹, который нашел его «вежливым, утонченным юношей». Так же, как и в Париже, Берти доказал, что он легко вписывается в любое общество.

Несмотря на то что в Италии Берти успешно противостоял соблазнам плоти, Виктория по-прежнему опасалась за его нравственное здоровье. В письме к своей дочери Вики она признавалась, как тревожна ей мысль о том, что мальчик вскоре повзрослеет и «мы не сможем его удержать».

В октябре 1858 года Берти отправили на учебу в Оксфорд, но даже это не ослабило вожжи. Вместо того чтобы со своими знатными однокашниками праздновать освобождение от смиренной рубашки государственной школы, Берти был вынужден жить за пределами

---

⁶⁸ Эдвард Лир (1812–1888) – английский художник и поэт, один из основоположников «поэзии бессмыслицы», автор многочисленных популярных абсурдистских лимериков. – *Примеч. пер.*

⁶⁹ Роберт Браунинг (1812, Лондон – 1889, Венеция) – английский поэт и драматург. – *Примеч. пер.*

колледжа и посещать частные лекции. Единственная возможность отступить от докучливой морали представилась, когда Берти удалось улизнуть от вездесущего полковника Брюса, чтобы выкурить запретную сигаретку.

В январе 1861 года Берти переехал в Кембридж, однако там его ожидал такой же жесткий режим. Правда, французский биограф Филипп Жулиан подвергает сомнению это утверждение, полагая, что, находясь в Кембридже, Берти «уже дегустировал удовольствия, которые должны были стать наградой за мудрый брак». Жулиан приводит слухи о том, что кембриджская девушка оказалась в «деликатном положении». Но мы не можем сказать с уверенностью, так ли это было. В конце концов, Жулиан – француз, а потому ему трудно представить, чтобы молодому человеку кто-то мог запретить заниматься сексом.

Чуть позже, в тот же год, но уже в Ирландии, девятнадцатилетний Берти наконец преуспел в этом деле и убедил свою мать, что дальнейшие попытки его перевоспитания совершенно бесполезны. Ей ничего не оставалось, кроме как женить его.

III

К 1861 году у Виктории появился повод для оптимизма в отношении своего старшего сына. Берти вернулся из триумфального тура по Канаде и США, где снова испытал острые ощущения – всюду его встречали восторженные толпы людей. Даже американцы, известные своими антимонархическими настроениями, высыпали на улицы *en masse*⁷⁰, чтобы приветствовать наследного принца и, по умолчанию, его отсутствующую мать. В Нью-Йорке толпа из трехсот тысяч человек заполонила улицы и осыпала цветами маршрут королевской процессии. Где бы ни появлялся Берти, он вызывал неизменный восторг и у хозяев, и у своего наставника, теперь уже *генерала* Брюса. Все восхищались его врожденной дипломатичностью, нескончаемым обаянием и ловкостью танцора. Принц жаловался, что ему приходится вальсировать со стареющими женами местных сановников, но послушно приглашал на танец дам, записанных в его танцевальной карточке, и не совершил ни одного публичного *faux pas*⁷¹, даже когда в поле зрения возникала симпатичная девушка, которую пытались ему подсунуть честолюбивые родители.

После заокеанского турне было единодушно решено, что Берти великолепно справился со своей задачей, достойно представляя монархию за рубежом, и даже заставил американцев распевать «Боже, храни королеву».

Как и следовало ожидать, Виктория и Альберт не хотели, чтобы этот международный успех вскружил сыну голову. Королева отметила, что после Америки Берти стал «чрезмерно разговорчив» и пристрастился к курению сигар. Скрепя сердце она разрешила Берти курить в Англии, «но только при условии, что не в обществе и не дома»⁷². А сама тем временем приступила к лихорадочному поиску жены, которая могла бы взять на себя заботу о моральном облике принца Уэльского.

Альберт между тем решил, что у «мальчика» растет самомнение и пора избавить его от эйфории всеобщего обожания. Именно по этой причине он и отправил Берти в Кембридж. И вот, спустя всего пару месяцев после начала учебы в этом университете, получив новую порцию доказательств того, что его сын не создан для науки, Альберт пришел к выводу, что Берти не помешает доза армейской дисциплины. Так возникла идея отправить принца

---

⁷⁰ Массово (*фр.*) – Примеч. пер.

⁷¹ Промах (*фр.*) – Примеч. пер.

⁷² Виктория была такой яркой противницей курения, что один иностранный посол, приглашенный погостить у королевы, предусмотрительно курил сигары, лежа в камине и выпуская дым в трубу.

в Гренадерский гвардейский полк в Ирландии, и никто не думал, что это окажется роковой ошибкой.

Хоть все это и происходило за полвека до того, как британская армия начала сражаться за сохранение своих владений в Ирландии, во время службы в полку молодого принца приходилось защищать так, как если бы он находился на вражеской территории, но врагом в этом случае были развратные британские военные. Предупреждения генерала Брюса о «соблазнах и дурном влиянии» молодых офицеров возымели действие, и Берти отправили на частную квартиру, подальше от других вояк, так что его социальная жизнь была ограничена строго регламентированными полковыми обедами четыре-пять раз в неделю. В остальные вечера ему было разрешено «читать и спокойно ужинать у себя».

Альберт хотел, чтобы его сын прошел все ступени воинского мастерства, начиная с прапорщика – низшего офицерского звания. Одним словом, десять недель в лагере Кара в графстве Килдэр обещали быть такими же унижительными, как и все этапы обучения, через которые прошел Берти.

К счастью для него, другие военнослужащие приняли как вызов тюремные условия жизни Берти и организовали рейд командос на крепость его целомудрия.

Источники расходятся в том, что произошло в ночь на 6 сентября 1861 года. Наиболее правдоподобной представляется такая версия: однажды, после того как полковник Брюс ушел спать, офицеры тайком запустили в квартиру Берти женщину по имени Нелли Клифден. Нелли была девицей легкого поведения из Лондона, которая последовала за офицерами, своими постоянными клиентами, в Ирландию. И вот в ту ночь, месяца за два до своего двадцатого дня рождения, молодой принц вернулся в свою спальню, его ожидал там теплый прием. Вероятно, догадываясь, что такая возможность не падает с неба каждый вечер, Берти воспользовался ситуацией на полную катушку. Спустя три дня он повторил этот опыт и заказал третье свидание, предложив девушке встретиться или у него, или где-то на стороне.

Нелли, судя по рассказам, была девушкой веселой и забавной, и не только в постели, так что Берти договорился встречаться с ней и по возвращении в Англию. Вскоре она уже вовсю хвасталась своей знаменитой добычей и представлялась принцессой Уэльской в танцевальных залах Лондона.

Прошло несколько месяцев, и слухи о Нелли все-таки прорвались сквозь классовые барьеры и достигли ушей отца Берти. 12 ноября принц Альберт узнал катастрофическую новость о том, что его сын потерял невинность без родительского разрешения. Хуже того, он, видимо, курил после этого, да еще и в квартире.

Альберт уже подхватил болезнь, которая неумолимо приближала его смерть, и страдал от хронической бессонницы и приступов лихорадки, но он все-таки взялся за перо, чтобы выразить Берти «величайшую боль, какой еще не знал в этой жизни». Изъяняясь в своей привычной – альбертианской – манере, он укорял сына в том, что тот позволил себе преждевременно «погрузиться в сакральные тайны сотворения, которые должны быть окутаны священным трепетом, пока их не тронут чистые и непорочные руки», добавляя, что, если бы только Берти признался отцу в своей «сексуальной страсти» (не очень хорошая идея), Альберт объяснил бы ему «особый способ, которым эти желания должны быть удовлетворены». Нет, не холодным душем, не пешими прогулками по горам и не охотой на дичь, но «святыми узами брака»⁷³.

Альберт и Виктория были уверены, что это библейское грехопадение с Нелли – не что иное, как злая шутка ганноверских генов. Несмотря на все их усилия, Берти превращался

---

⁷³ К счастью, Альберт не знал, что тремя днями ранее, 9 ноября, Берти тайком провел проститутку в Виндзорский замок на частную вечеринку.

в печально известного Георга IV. Они опасались, что вскоре он начнет проматывать деньги в казино, заведет гарем из любовниц и окончательно погубит международную репутацию королевской семьи. И разумеется, они были совершенно правы.

Впрочем, еще не поздно было все исправить. Альберт приказал сыну дать полный отчет полковнику Брюсу. Берти это сделал (хотя отказался назвать имена офицеров, которые затащили к нему Нелли) и послал отцу письмо, в котором искренне раскаивался в содеянном. Альберт согласился простить сына, но при условии, что Берти сделает шаг, который спасет его от гибели.

Он должен был жениться, и как можно скорее.

Потенциальная принцесса уже была выбрана – шестнадцатилетняя Александра Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургская, дочь наследника датского престола. Берти встретился с Александрой, но не потерял от нее голову. Его сестра Вики, свидетель той встречи, сообщила родителям, что «он был разочарован ее внешностью» и посоветовал, что «нос у нее слишком длинный, а лоб слишком низкий». Печально, что, только вступив в брак, Берти мог искупить свою вину. Слишком много было в его юности безрассудства, и вот теперь юность закончилась.

Как, к несчастью, закончилась и жизнь Альберта. 25 ноября 1861 года он неожиданно нагрянул в Кембридж, чтобы поговорить с сыном по душам. Он выслушал от Берти извинения во время долгой изнурительной прогулки, когда их застала свирепая восточно-английская буря, а вдобавок они еще и заблудились. Вернувшись в Виндзор, Альберт слег и 14 декабря умер – правда, перед смертью дал своему старшему сыну шанс опозориться в последний раз.

Получив 13 декабря телеграмму, вызывающую его в Виндзор, Берти по привычке отнесся к ней легкомысленно, не осознав серьезности ситуации (в его защиту следует сказать, что телеграмма была сформулирована двусмысленно), и прибыл к смертному одру своего отца лишь в три часа утра, после веселого ужина в Лондоне, в приподнятом настроении.

Королева Виктория, девять месяцев назад похоронившая свою мать, едва не обезумела от горя. И обвинила Берти в смерти отца. Для нее Альберт всегда был ангелом, пророком, гуру и святым в одном лице, и она не сомневалась, что «та ужасная история в Каре» погубила ее идеального мужа. В залитых слезами глазах Виктории Берти стал исчадием ада. Она писала своей дочери Вики: «Я никогда не смогу и не стану смотреть на него [Берти] без содрогания... [он] не знает, что мне все известно – любимый папа сказал ему, что меня следует оградить от этих отвратительных подробностей».

Принц Альберт постановил, что Берти должен жениться, и это уже не обсуждалось. Королева писала своему дяде Леопольду: «Я... хочу повторить только *одно*, и это мое *твердое* решение, мое *бесповоротное* решение, а именно, что абсолютно во всем *его* желания, *его* планы, *его* взгляды должны быть для *меня* законом! И никакая сила в мире не сможет заставить меня отказаться от *того*, что он решил или пожелал!» Скорая свадьба должна была стать для Берти наказанием, наложенным его отцом из преисподней.

Виктория считала своим моральным долгом сообщить датской королевской семье, что жених не девственник, и, наверное, была крайне удивлена, когда будущие родственники отреагировали очень по-скандинавски – оказывается, они уже всё знали. Началась подготовка к свадьбе.

Между тем королеве предстояло исполнить еще одну волю мужа, которая совпадала и с ее целями. Незадолго до своей смерти Альберт планировал образовательный тур для Берти, охватывающий Вену, Венецию, Грецию, Египет и Ближний Восток. Скорбящая Виктория хотела спровадить сына с глаз долой, и не прошло и восьми недель после кончины Альберта,

как Берти был отправлен за границу в сопровождении и под неусыпным контролем генерала Брюса и капеллана.

В течение следующих четырех месяцев Берти встречался с австрийским императором Францем-Иосифом и вицекоролем Египта, путешествовал на пароходе вверх по Нилу, охотился (среди прочего) на крокодилов, грифов, сов и ящериц; он отрастил клочкастую бороду.

Как и следовало ожидать, образовательный аспект поездки навевал на Берти скуку. Пока остальные члены экспедиции исследовали гробницы фараонов, он оставался в лагере, курил и читал захватывающий бестселлер под названием «Ист-Лин»⁷⁴ о замужней даме, которая сбегает с любовником, вынашивает внебрачного ребенка, а потом возвращается инкогнито, чтобы стать гувернанткой в новой семье своего мужа. Это было куда заманчивее, чем старые египетские камни. Когда замаячила перспектива посещения храма в Фивах, Берти возразил: «Зачем нам ехать в этот полуразрушенный храм? Пока мы доберемся туда, он развалится окончательно, и смотреть будет не на что». Но Альберт считал, что тур должен сформировать характер его сына, поэтому на руины тому все-таки пришлось тащиться.

Правда, за это Берти была положена щедрая компенсация. Ему повезло: его мать была настолько ослеплена желанием исполнить «план дорогого папы» от первой до последней буквы, что, вопреки собственным предубеждениям, утвердила конечным пунктом программы путешествия краткий визит вежливости ко двору Наполеона III. Берти должен был переночевать в британском посольстве в Париже, а на следующий день навестить французского императора и императрицу в одной из их летних резиденций, *Chateau de Fontainebleau*⁷⁵. Но королева поставила одно условие: избавить ее от подробностей пребывания в Париже – «содоме и гоморре», как она выразилась. В письме к генералу Брюсу она предупредила, что принц не должен вернуться домой с «фривольными разговорами и сплетнями», поскольку она до сих пор в трауре. Впрочем, вряд ли Берти захотел бы поделиться с матерью впечатлениями о тех удовольствиях, которые ожидали его при дворе Наполеона.

Так что после высадки в Марселе 10 июня 1862 года Берти на всех парах помчался на север, в Париж, в уверенности, что наконец-то, после всех эмоциональных потрясений предыдущих месяцев, пришло время для настоящих наслаждений. У него были планы глубже погрузиться в мир соблазна, который открыла ему Нелли Клифден.

Как и в случае с первым французским визитом маленького Берти, большинство его биографов уделяют этой короткой остановке всего несколько строк, вуалируя эвфемизмами «более изощренные удовольствия», которым принц предавался на этот раз. Наверное, все дело в том, что мимолетное пребывание Берти в Париже практически нигде не освещалось – в конце концов, это был не официальный королевский визит, – а потому не было никаких групповых портретов, смотров войск, посещения императорской могилы.

Но время, проведенное Берти в Париже в 1862 году, было настолько важным для его становления как мужчины, что было бы недопустимым упущением оставить его без внимания. Несколько дней с Наполеоном и Евгенией стали для принца воплощением мечты, выплеском эмоций, скрытых за фасадом примерного поведения, которое Берти был вынужден демонстрировать на протяжении всей своей кабальной юности и тем более после смерти отца.

Сидя в поезде, который мчал его на север, Берти, должно быть, вспоминал первую поездку из Булони семь лет назад и улыбался своей мальчишеской влюбленности в Евгению, годящуюся ему в матери. Теперь он рассчитывал оказаться в куда менее добродетельной женской компании.

---

⁷⁴ Эллен Вуд (больше известна как Миссис Генри Вуд) (1814–1887) – английская писательница, автор детективов и романов, родоначальница «серийного детектива». Написала более 30 книг. Наибольшую известность ей принес роман «Ист-Лин», опубликованный в 1861 году. – *Примеч. пер.*

⁷⁵ Замок Фонтенбло (*фр.*). – *Примеч. пер.*

Глава 3

Берти и придворные дамы

*Этот никчемный двор, такой соблазнительный на поверхности... думает только об удовольствиях и наслаждениях.
Маркиза Ирен де Тези-Шантенуа, мемуары «При дворе Наполеона III»*

I

Берти посчастливилось посетить замок Фонтенбло в 70 километрах к югу от Парижа в период его расцвета, который пришелся на десятилетие, пока он служил одной из *résidences secondaires*⁷⁶ Наполеона III.

К началу XIX века Фонтенбло уже почти 700 лет был королевской и императорской резиденцией. Первый замок был построен здесь в XII веке, и сюда приезжал Томас Бекет⁷⁷, когда находился во французской ссылке, прежде чем вернулся в Англию, где ему вышибли мозги в Кентерберийском соборе. Будущий король Карл II провел здесь некоторое время в 1646 году, пока его отец и Оливер Кромвель воевали друг с другом, выбирая форму правления Англией. Людовик XVI и Мария-Антуанетта облюбовали Фонтенбло в качестве места проведения спектаклей и концертов; они только что закончили отделку роскошного будуара Марии-Антуанетты, когда Французская революция положила конец их увеселениям.

Только первый Наполеон, Бонапарт, превратил Фонтенбло в нечто большее, чем охотничий домик, и, наведываясь сюда часто, хотя и ненадолго, вершил политику, заключая европейские договоры о переустройстве континентальных границ. Именно здесь он подписал документ об отречении от престола в 1814 году⁷⁸ и во дворе официально попрощался со своими ближайшими сторонниками перед отъездом в ссылку на остров Эльба.

Племянник Бонапарта, Наполеон III, строил более легкомысленные планы на Фонтенбло, и даже сегодня на официальном сайте дворца проскальзывают неодобрительные комментарии по этому поводу. В разделе *Histoire*⁷⁹ можно прочитать, что Фонтенбло привлек новую императорскую чету только «с началом развития идеи туризма». Их наезды в замок «стали более регулярными и продолжительными», а «окружение чувствовало себя гораздо более раскованно, чем при предыдущих суверенах». Можно подумать, что Наполеон и Евгения были праздными скваттерами⁸⁰.

Однако Наполеон III придал замку впечатляющий вид, декорировал его в «своем излюбленном эклектичном стиле», как с презрением сообщает все тот же сайт. Он приобрел новую мебель для частных и публичных помещений, заказал строительство императорских апартаментов с видом на сады и потрясающий 450-местный театр по образцу зрительного зала в Версале. Это был настоящий барочный храм искусств, с расписным потолком в виде лазурного неба, населенного ангелами, и полукруглым ансамблем из колонн и арок,

---

⁷⁶ Второстепенная резиденция (фр.). – Примеч. пер.

⁷⁷ Томас Бекет – одна из ключевых фигур в английской истории XII века, первоначально канцлер Генриха II, затем архиепископ Кентерберийский с 1162 по 1170 год. – Примеч. пер.

⁷⁸ Речь идет о первом отречении Наполеона. Впереди было его возвращение с Эльбы, когда он снова взял власть в свои руки только для того, чтобы окончательно потерять ее после Ватерлоо в 1815 году.

⁷⁹ История (фр.). – Примеч. пер.

⁸⁰ Самовольный поселенец (англ.). – Примеч. пер.

инкрустированных сусальным золотом. Chateau, возможно, и был загородным домом, но при Наполеоне III его возможности в смысле отдыха и развлечений были достойны центра Парижа.

Каждый год, обычно в мае и июне, императорская чета с эскортом из нескольких сот придворных, ближайших друзей и членов семьи выдвигалась в Фонтенбло на четыре – шесть недель для ритуала так называемых *séries*⁸¹. Это были еженедельные домашние праздники с участием пяти-шести десятков родственников, друзей, придворных, послов, высокопоставленных иностранных гостей и корифеев литературы и науки. Каждую неделю на смену предыдущей группе приезжали новые гости, удостоенные императорского приглашения.

Чтобы попасть в Фонтенбло, гости ехали на поезде из Парижа, а на станции их встречал кортеж из императорских экипажей, которые везли их вдоль 1,2-километрового *Grand Canal*⁸² как группу отдыхающих по классу люкс. Когда гости въезжали в огромный внутренний двор, их встречали у подножия подковообразной лестницы XVI века и провожали в номера – или, вернее, апартаменты.

Каждому гостю, в том числе и Берти в июне 1862 года, отводили один из двухсот многокомнатных номеров в соответствии с социальным статусом. Самых близких к императорской семье и важных гостей размещали в центральной части замка. Таков был хитроумный прием «бытового обустройства», как называют его составители сайта, прикрывая этим эвфемизмом сексуальный круговорот дворцовой жизни.

Для тех, кто не принадлежал к разряду особо почитаемых *invités*⁸³, условия размещения были гораздо скромнее. Как правило, это были апартаменты *trois-pièces*⁸⁴ – с салоном, спальней и *cabinet de toilette* (ванной комнатой и гардеробной). Евгения, которая лично занималась оформлением гостевых комнат, предпочитала уют, а не пышность, поэтому заказала простую, но со вкусом, мебель, без всякой позолоты, которую так любил ее муж. Типичные гостевые апартаменты сегодня открыты для посещения, и самый шик в них – это открывающийся из окон вид на сад. В гостиной можно увидеть круглый ореховый стол, четыре небольших кресла, обтянутых сияющей бело-голубой тканью с цветочным узором в тон обоям, простой письменный стол и мягкий диван. Это соответствовало английской моде – обивка честерфилд только-только появилась и была на пике популярности, как и стиль английского загородного дома.

В спальне установлены две односпальные кровати, которые по желанию можно было сдвинуть вместе, высокое зеркало с подсвечниками – гости должны были выглядеть безупречно, отправляясь на одну из бесконечных вечеринок по приглашению хозяев. Кроме того, было крайне важно, чтобы они не опаздывали, поэтому в каждой спальне на каминной полке стояли часы. Опоздание наказывалось символическим штрафом.

Все это скорее напоминает не дворцовый интерьер, а просторный номер в шикарном современном загородном отеле (если только вы сможете обойтись без плазменной панели); пожалуй, только *cabinet de toilette* режет глаз отсутствием сантехники. На мраморной столешнице *table de toilette*⁸⁵ – кувшин и таз. Помимо этого, есть фарфоровое биде на деревянной подставке и переносной стульчак для ночного горшка, а в углу – низкая круглая металлическая ванна, наподобие тех, что изобразил Дега в сценах купания обнаженных моделей. Если гости желали воспользоваться туалетом, они могли выйти в коридор, где за потайной

---

⁸¹ Серии (фр.) – Примеч. пер.

⁸² Большой канал (фр.). – Примеч. пер.

⁸³ Приглашенные (фр.). – Примеч. пер.

⁸⁴ Трехкомнатные (фрМ) – Примеч. пер.

⁸⁵ Туалетный столик (фр.) – Примеч. пер.

межкомнатной дверью находился примитивный унитаз со сливным бачком (еще один образец *style à l'anglaise*)⁸⁶.

Такие же санитарные удобства были и в более роскошных апартаментах на нижнем этаже, где, вероятно, останавливался молодой Берти, но вряд ли его это беспокоило, поскольку недавние путешествия приучили его к казарменной жизни.

Нововведением в этих тщательно организованных *séries* в Фонтенбло было то, что все апартаменты были пронумерованы, как в гостинице, и на каждой двери значились имена постояльцев, собственноручно написанные на карточках императрицей. Евгения взяла на себя обязанность распределять комнаты, стараясь сделать так, чтобы у каждого гостя соседство было приятным. Это была очень продуманная стратегия, идеальная для свиданий и позволяющая порхать от двери к двери.

Так что теперь, вместо того чтобы тайком водить к себе женщин, как он это делал в военном лагере и, вероятно, в Виндзоре, Берти мог просто отправить приглашение и ждать, пока дама постучится в его дверь. Или он мог быть приглашен на *tête-à-tête*⁸⁷ *chez elle*.⁸⁸ И, как отмечал один из французских биографов Берти, Филипп Жулиан, опекуны его нравственности не могли вмешиваться – в конце концов, Берти был личным гостем императора Франции, так что в надзоре не было необходимости, *n'est-ecpas?*⁸⁹ Но вот о чем не упоминает Жулиан, так это о том, что опекун Берти, полковник Брюс, страдал от лихорадки, которой заразился в иорданских болотах во время их путешествия на Восток. Охранник был нездоров, а потому не слишком бдителен, и его молодой подопечный мог чувствовать себя свободнее, чем обычно, и наслаждаться жизнью.

В любом случае, у Берти наверняка было такое ощущение, будто он вырвался из Саудовской Аравии и прибыл в Бангкок – или Париж!

II

По мнению Филиппа Жулиана, главное преимущество Франции эпохи Наполеона III заключалось в том, что это была не Англия.

В стране Виктории и Альберта правило лицемерие. Английский высший свет погряз в адюльтере и гомосексуализме, молодые люди удовлетворяли свое либидо с проститутками, но, если отзвук скандала просачивался сквозь лондонский смог, виновных ожидала кара, и зачастую они были вынуждены бежать – во Францию!

Как замечает Жулиан, в Лондоне «порок – об удовольствиях и речи нет – был доступным и жестоким, лишенным веселости нашей Второй империи». Он описывает лондонских «шестнадцатилетних проституткок в рваных кружевах», разоблачает мир «за великолепными фасадами Риджент-стрит и Стрэнд, скрытый ад зловонных улиц, дворов и конюшен, ставших приютом для торговцев детьми и школой для воров». Даже Диккенс, утверждает он, не решался раскрыть истинный ужас того, что там творилось.

Богатые лондонцы были вынуждены либо спускаться в этот ад, либо прятаться за плотно задернутыми шторами Мэйфейра, если хотели утолить свой сексуальный голод. Между тем их парижские собраты были свободны в самовыражении.

Берти и сам уже прошелся инкогнито по лондонским оздоровительным мюзик-холлам и царствам джина вместе со своими армейскими приятелями и Нелли Клифден, но в 1862 году, когда он прибыл в летнюю резиденцию Наполеона III в Фонтенбло, ему предстояло

---

⁸⁶ Английский стиль (фр.). – Примеч. пер.

⁸⁷ Беседа наедине, тет-а-тет (фр.). – Примеч. пер.

⁸⁸ К ней (фр.). – Примеч. пер.

⁸⁹ Не так ли? (фр.). – Примеч. пер.

впервые почувствовать вкус настоящей сексуальной свободы. В словах Жулиана угадывается намек: «При таком любезном дворе принц [Берти] мог дышать, и его свита не вмешивалась... Женщины, которых он целовал мальчиком, теперь были готовы отдаться ему, молодому мужчине».

Наверное, куда важнее то, что Берти теперь мог поговорить о сексе с человеком, обладающим авторитетом отца, – Наполеоном, который не стал бы призывать его сдерживать свои желания до женитьбы. Для Наполеона, в отличие от Альберта, внебрачный или добрачный секс был восхитительной шалостью, а не позорным секретом. Жулиан свидетельствует, что с императором «можно было говорить свободно обо всем», он «всегда предпочитал оболыщать, а не запугивать». Да, все-таки он был полной противоположностью биологического отца Берти.

Приехав в Фонтенбло, Берти, возможно, испытал невероятное облегчение. Большинство французских писателей, рассказывая о событиях в наполеоновских загородных резиденциях, в один голос говорят о том, насколько свободно гости себя там чувствовали. Мы уже знаем, что император и императрица, при всей своей любви к официозу, обладали редким даром гостеприимства, чем впоследствии прославился (даже печально) и сам Берти.

К 1862 году Наполеон и Евгения уже настолько освоились во французском обществе, что даже отъявленные снобы и заядлые роялисты отчаянно хотели приблизиться к их двору. Наполеона окружали высокопоставленные армейские офицеры и аристократы с помпезными титулами, такими как *Grand Maître du Palais* (главный распорядитель двора), *Grand Maître des Cérémonies* (обер-церемониймейстер) и *Grand Veneur* (обер-егермейстер). Евгения, хоть и обманутая жена, к тому же иностранка, сумела переломить предубеждение французов и ловко управляла собственным вышколенным двором, при котором были и *Grande Maîtresse* (главная распорядительница), и *Dame d'Honneur* (первая фрейлина), и двенадцать *dames du palais* (фрейлин), и две *lectrices* (лектрисы), которые развлекали императрицу и ее клику новостями и чтением романов.

Рядом с низкорослым, слегка сутулым Наполеоном Евгения была воплощением парижской элегантности – не красавица в классическом смысле, но изящная, стильная и, по нынешним меркам, очень сексуальная. Когда Берти снова встретился с Евгенией в июне 1862 года, она была на пике своей славы. Подарив Наполеону долгожданного наследника мужского пола, теперь Евгения вела себя как полноправная императрица. Она прославилась своим фирменным жестом, которым приветствовала расступавшуюся перед ней толпу, слегка склоняя голову вправо и влево и одаривая улыбкой счастливых зрителей.

Стихотворение 1861 года дает представление о сложившемся в обществе культе Евгении. Поэт Эдуард д'Эскола сочинил оду красоте императрицы, и сиропа в ней не меньше, чем в *creme caramel*⁹⁰. Вот характерный стих:

В переводе это звучит примерно так:

*Она чарует своей красотой
Бедных, богатых, слабых и сильных
И, пролетая над всею страной,
Благословляет подданных любвеобильных.*

Следует признать, что д'Эскола был подобоострастным подданным и ярким патриотом, в свое время написавшим и поэму о Ватерлоо, предварив ее эпиграфом, который может служить замечательным примером французской непоколебимости: «Поражения – это всего лишь победы, которым фортуна решила не давать крыльев». Но при дворе все безоговорочно

---

⁹⁰ Крем-карамель (фр.). – Примеч. пер.

признавали превосходство Евгении. И вот теперь Берти был вознесен на ту же высоту и купался в лучах ее славы. В возрасте всего лишь двадцати лет он оказался на вершине французского общества.

Для молодого человека в поисках развлечений визит оказался как нельзя более своевременным. Несмотря на всю пышность наполеоновского двора в Париже, летние резиденции в Фонтенбло и Сен-Клу и зимняя резиденция в Компьене были особенно привлекательными, поскольку здесь гости чувствовали себя на редкость раскованно.

Гости получали приглашение окунуться в повседневную жизнь императорской четы. Конечно, не с полным погружением, как это было при Людовике XIV, который заставлял своих придворных наблюдать за тем, как он ест, одевается и даже исполняет свой утренний ритуал на стульчаке⁹¹, но с активным участием в пышных ужинах, танцах, верховой езде, игровых вечерах и занимательных шоу.

Евгения обставила собственную гостиную так, что получилось нечто среднее между буддийским храмом и английским клубом джентльменов. Среди китайских ваз, восточной резьбы по дереву и статуй дракона, под сенью императрицы и ее ослепительных фрейлин на групповом портрете работы Франца Ксавера Винтерхальтера, были расставлены уютные кресла и диваны, располагающие к непринужденному общению. Здесь были и карточные столики – большие и маленькие, – покрытый сукном стол для пинбола, рояль с механизмом музыкальной шкатулки – на случай, если не сыщется опытный пианист. Летом в течение всего дня подавали сорбе, а ровно в пять пополудни – непременно *thé anglais*⁹².

Непринужденные разговоры, карты и постоянные освежительные напитки – для Берти это было то, что нужно.

На сцене нового театра Наполеона иногда давали классику, но вкусы эпохи требовали легких жанров, и император с удовольствием приглашал старлеток парижской сцены, многие из которых прославились своей красотой и свободными нравами, а вовсе не декламацией строк Мольера. Этот французский литературный опыт, как мы увидим в следующей главе, оказался самым полезным для Берти.

В своих мемуарах «Воспоминания о Второй империи» граф де Мони, служивший при Наполеоне III в Министерстве иностранных дел, пишет, что забавы и игры в загородных *châteaux*⁹³ включали и такие исконно французские развлечения, как диктант. Участники должны были по возможности без ошибок написать сложный текст. Мони описывает случай в Компьене, когда, несмотря на присутствие знаменитого литературного критика Шарля Огюстена Сент-Бёва и писателя Проспера Мериме, конкурс выиграл австрийский посол Рихард фон Меттерних. Весьма сомнительно, что Берти, который и в двадцать лет по-прежнему слагал английские предложения на уровне школьника, рискнул бы поучаствовать в таком состязании. К тому же существовало множество других, более заманчивых игр.

Наполеон, как и Берти, предпочитал красноречие тестам на орфографию и проводил много времени в беседах с самыми остроумными красавицами. «Он [Наполеон] подходил и присаживался рядом с каждой по очереди, – вспоминает Мони, – и во время разговора успевал проследить взглядом за всеми дамами, что оказывались в поле зрения».

За ужином Наполеон садился между двумя своими фаворитками, которые менялись с каждым заездом, а Евгения всегда сидела напротив него, в окружении двух самых влиятельных мужчин. Молодой Берти, во время своего первого сольного посещения Фонтенбло, несомненно, был одним из них. Остальные гости рассаживались, где хотели или где могли

---

⁹¹ Об абсурде будничной жизни Людовика XIV, и не только, можно узнать из книги «Англия и Франция. Мы любим ненавидеть друг друга».

⁹² Английский чай (фр.). – Примеч. пер.

⁹³ Шато, замки (фр.). – Примеч. пер.

найти свободное местечко. В необычайно современном духе равенства дамы, не оказавшись в числе фавориток императора или какого-нибудь важного гостя, могли сами выбирать, рядом с кем из мужчин садиться, и избранник становился ее *beau*⁹⁴ на вечер, а иногда и на ночь.

Мужчины, по словам графа де Мони, могли не сомневаться, что найдут себе поклонниц из числа тех, «чьей профессией было соблазнять и сводить с ума». В загородных резиденциях роль придворных дам была четко обозначена.

Как пишет Филипп Жулиан, во время своего посещения Фонтенбло в 1862 году Берти «завязал долгую дружбу» с некоторыми особо гламурными дамами. Среди них была Мелани де Бюсьер, одна из ближайших подруг Евгении. Мелани, или графиня Эдмон де Пурталес по мужу, была ослепительной красавицей лет двадцати пяти с рыжевато-каштановой шевелюрой. Она была матерью двоих сыновей, а молодые замужние дамы, исполнившие свой долг, становились основной мишенью для адюльтера. И, словно мало ей было прочих достоинств, Мелани слыла остроумной собеседницей. Короче говоря, девушка мечты для Берти.

Во время этого визита он познакомился и с внучкой сестры Наполеона Бонапарта, Кэролайн; и с Леонорой, женой банкира барона Альфонса де Ротшильда, еще одной гламурной молодой матерью.

Вполне возможно, что Берти возобновил знакомство с принцессой Матильдой, кухней и бывшей невестой Наполеона III. У нее были персональные покои в Фонтенбло – кстати, бывшие апартаменты мадам де Ментенон, любовницы, а затем и тайной жены Людовика XIV.

Матильда по-прежнему жила со своим любовником в Париже и содержала литературные салоны во вкусе Гюстава Флобера (автора романа об адюльтере «Мадам Бовари», опубликованного в 1857 году). Сексуальная, скандально известная *divorcée*⁹⁵, Матильда была бы бесценным гидом для молодого английского принца, стремящегося познать все ходы и выходы (в буквальном смысле) наполеоновского двора.

Трудно сказать, сразу ли Берти напросился на приглашение в гостевые апартаменты кого-либо из этих французских аристократок. Но в то лето он был вторым по ранжиру среди гостей Фонтенбло и мог не скромничать в выборе.

Атмосфера сексуальной вседозволенности при дворе Наполеона III ярко описана в любовных мемуарах некой маркизы Ирен де Тези-Шантенуа, одной из многочисленных отвергнутых любовниц императора. Понятно, что ее слова источают желчь. Пытаясь лягнуть Наполеона и Евгению, маркиза пишет, что «этот никчемный двор, такой соблазнительный на поверхности... думает только об удовольствиях и наслаждениях»⁹⁶.

Потомок старинного французского аристократического рода, Ирен де Тези-Шантенуа считала себя выше Евгении, «испанки, которую взяли в жены из-за рыжей гривы». Но даже при этом маркиза (которая тоже была замужем) отчаянно стремилась «засветиться» при дворе и была счастлива, когда однажды Наполеон соизволил заговорить с ней, прибегнув к банальной фразе для завязывания знакомства.

– Разве вы не мадам... э-э? – спрашивает он. – Я уверен, мы с вами уже встречались. Где это было? – Переходя к делу, Наполеон говорит, какая она *séduisante*⁹⁷, на что Ирен отвечает, что «он не первый, кто это заметил».

---

⁹⁴ Кавалер (фр.). – Примеч. пер.

⁹⁵ Разведенная дама (фр.). – Примеч. пер.

⁹⁶ Во французском оригинале это *plaisirs et jouissances*. Почти синонимы, но второе слово является производным от глагола *jouir*; одно из значений которого – «испытывать оргазм».

⁹⁷ Обворожительная (фр.). – Примеч. пер.

Как только юную красавицу оценил зоркий глаз Наполеона, место Ирен при дворе было обеспечено. Она вливается в стайку *cailletes*⁹⁸ Евгении – название вроде бы созвучно слову *canaille* (каналья), но вполне возможно, что оно пошло от жаргонного прозвища проститутки того времени – *caille* (перепелка). Все они были дамы богатые («Так что Евгения могла не опасаться, что мы станем клянчить у нее деньги», – отмечает Ирен), но прозвища им давали довольно неприличные. Взять хотя бы *Salopette* (буквально «маленькая шлюшка», но также означает «комбинезон») или *Cochonette* (от слова *cochon* – «поросенок», но как прилагательное означает «похабный»).

Эти *dames du palais*⁹⁹ проводили время, обсуждая то, что Ирен саркастически называет «глупостями важности великой» – вроде того, что Наполеон не выпил свой утренний кофе, – и обмениваясь свежими сплетнями о парижском высшем обществе. Так, она рассказывает историю балерины, которая явилась на встречу с заместителем министра изящных искусств, чтобы попросить о содействии в ее продвижении на роль примы. Заместитель, пообщавшись с ней в своем кабинете, устраивает ей аудиенцию у министра. Однако, когда настает очередь министра задрать танцовщице юбки, он видит застрявший в этом ворохе меморандум со стола своего заместителя. Человек бывалый, министр просто перекладывает бумагу в свой лоток и приступает к делу. Балерина тем временем обеспечивает свое продвижение.

Эта история наверняка пришлась бы по душе новоиспеченному сластолюбцу Берти, а вот его недавно умершего отца заставила бы потянуться за затычками для ушей и Библией.

Читая мемуары Ирен, можно себе представить степень свободы, предоставленной замужним великосветским *Parisiennes*¹⁰⁰ того времени. Чтобы узнать, как работают девушки по вызову, они с подругой сняли приватный кабинет в прославленном *Café Anglais*¹⁰¹ (о нем подробнее в главе 4) и притворились бельгийскими дамами легкого поведения. Однако их планы пошли наперекосяк, когда заявили две проститутки, сразу учуявшие подвох. Вечер закончился тем, что подруга напилась в стельку, а сама Ирен получила непристойное предложение от барона.

Императрица Евгения тоже прославилась своими вылазками «в народ», хотя больше из желания подражать Марии-Антуанетте, любившей переодеваться пастушкой. Ирен не без злорадства рассказывает такую историю. Находясь в летней резиденции в Фонтенбло, Евгения с подругой нарядились селянками и отправились на деревенские танцы. Там на них сразу положили глаз двое каменщиков, которые быстро и с крестьянской прямоотой обозначили свои амурные намерения. Тут вмешались переодетые телохранители Евгении, и завязалась драка, только вот каменщики оказались придворными – они узнали о планах Евгении и пришли разыграть ее. Ирен пишет, что Евгения была в ярости. Из авантюры с двумя вонючими работягами мог бы получиться отличный анекдот, который повеселил бы двор, и вот теперь затея рухнула, а она сама стала объектом насмешек.

Учитывая, что в розыгрыше участвовала Евгения, вполне возможно, что сам Наполеон послал самозванцев. Он просто обожал такие шутки.

Чего стоит его хитроумная проделка, которую описывает Ирен: визит короля несуществующего государства Уд и его свиты, которыми на самом деле выступали переодетые в азиатов друзья Наполеона. Наполеон объявляет, что не может явиться на прием, и просит Евгению принять главу государства вместо него.

---

⁹⁸ Болтуня, легкомысленная, пустая женщина (фр.). – Примеч. пер.

⁹⁹ Фрейлины (фр.). – Примеч. пер.

¹⁰⁰ Парижанки (фр.). – Примеч. пер.

¹⁰¹ Ресторан «Кафе англэ» («Английское кафе»), открытый в 1802 году, был назван в честь мирного соглашения между Францией и Англией. – Примеч. пер.

Польщенная доверием, она встречает гостей во всем своем блеске и медленно, на понятном французском, просит их по возвращении на родину сообщить своему народу о великой любви императора к их стране. Тут с хохотом врывается Наполеон, маски сорваны, и Евгения, понятное дело, «кипит от гнева».

Наполеон наверняка привил Берти вкус к розыгрышам на домашних вечеринках, хотя шутки Берти не отличались особой тонкостью – его любимой забавой было вылить бренди на голову своего друга Кристофера Сайкса, на что бедняга мог лишь пробормотать: «Как угодно Вашему Королевскому Высочеству». А еще его забавляло, когда гостям подавали пирожки, которые на поверку оказывались начиненными горчицей.

Самых подробных описаний в мемуарах Ирен удостоились сексуальные нравы Наполеона. Он «не знал никаких препятствий или запретов в своих удовольствиях, – говорит она. – Все его капризы должны были исполняться». Она рассказывает, как однажды Евгения застучала мужа с актрисой, знаменитой тем, что «показывала ноги на сцене, а остальное – везде».

Девушка была приглашена во дворец Тюильри, где Евгения и увидела, как Наполеон ласкает вышеназванное тело, и напомнила ему о том, что «щекотать ноги хорошенькой девушке не входит в обязанности главы государства».

Хотя у многострадальной императрицы был явный талант к хлестким отповедям, Ирен пренебрежительно замечает, что своим неодобрительным отношением к шалостям мужа Евгения «выражает самые буржуазные настроения». При дворе Наполеона, так же как потом и при дворе Берти, великосветским супругам не положено было открыто выступать против адюльтера своих партнеров.

Ирен цитирует одного рогоносца, который находчивостью сумел скрыть свое смущение. На одном из приемов у Наполеона и Евгении он был замечен рыскающим по дворцу в поисках своей жены, и кто-то из придворных спросил, не ревнует ли он.

– О нет, – нашелся обманутый муж, – жена-то всегда вернется, но сегодня у нее на шее бриллиантов на 538 000 франков.

Взлет Ирен, как и ее падение, случились в тот день, когда подошла ее очередь делить ложе с Наполеоном. Дело было в *Château de Compiègne*¹⁰², императорской зимней резиденции к северу от Парижа, где Наполеон установил карусель, чтобы смотреть, как кружатся женщины и как «взлетают их юбки, оголяя ноги».

В саду после долгих маневров Ирен наконец попадает на глаза Наполеону, и он увлекает ее на прогулку, где осыпает комплиментами, восхищаясь ее красотой и элегантностью, и подкрепляет свои слова поцелуем. (После чего, жалуется она, ей пришлось стирать с губ «вонючую смазку, от которой чуть не стошнило» – масло для усов Наполеона.) Он помогает ей забраться на сиденье карусели и смотрит на нее, пока она крутится, сверкая икрами.

Они расстаются, шепча друг другу *à ce soir*¹⁰³, и мужа Ирен, на глазах которого и происходит это открытое ухаживание, отправляют в Париж со срочным – разумеется, выдуманным – поручением.

Слуга сообщает Ирен, что ей предстоит провести ночь в *la chambre bleue*¹⁰⁴ по соседству со спальней Наполеона. Она идет туда, ложится в постель и ждет его визита. Нервно поживаясь в темноте, Ирен думает, что, если бы она испугалась и сбежала из этой комнаты, «даже мой собственный муж назвал бы меня глупой кокеткой и полной идиоткой». Наполеон в конце концов заходит крадучись через потайную дверь, и, как описывает Ирен, «моя судьба была решена».

---

¹⁰² Компьенский замок (фр.). – Примеч. пер.

¹⁰³ До вечера (фр.). – Примеч. пер.

¹⁰⁴ Голубая комната (фр.). – Примеч. пер.

Она признается, что рассчитывала надолго остаться любовницей, как Диана де Пуатье Генриха II или мадам де Ментенон Людовика XIV, и была совершенно раздавлена, когда Наполеон не пришел к ней в комнату на следующую ночь. Хуже того, на другой день он увлекает другую даму на такую же прогулку по саду, усаживает ее на то же сиденье карусели. Ирен понимает, что ее просто-напросто использовали как одноразовую императорскую подстилку. И вот она тайком пробирается к карусели, отвинчивает крепежный винт на сиденье и упивается от восторга, когда на следующий день новая фаворитка (которая продержалась дольше, чем одну ночь) падает с карусели прямо лицом в грязь. Все, включая Наполеона, смеются, и это означает конец нового любовного романа, потому что, как комментирует Ирен с типично французским остроумием, «человек выздоравливает, когда он болен, но умирает, когда он смешон».

Эта трагикомедия заканчивается, когда Ирен в гневе покидает Компьень, но она оставляет за собой последнее слово. Несколько месяцев спустя она случайно сталкивается с Наполеоном, который узнает ее и интересуется, вернется ли она ко двору.

– Ни в коем случае, – отвечает Ирен.

– Даже если я попрошу вас? – спрашивает Наполеон.

– *Тем более* если попросите вы, – парирует она. Touché¹⁰⁵.

III

Краткий визит Берти в Фонтенбло в июне 1862 года окончательно раскрепостил его и подарил невероятный опыт. Он только недавно стал мужчиной, а уже самые красивые, самые остроумные женщины Европы были готовы упасть в его объятия.

Это объясняет, почему Берти, как только перестал зависеть от матери, начал копировать образ жизни Наполеона и Евгении, с такой же легкостью переходя от официоза к неформальному общению (разумеется, в рамках приличий); объединяя при дворе людей самых разнородных – не только надутых сановников, но и успешных представителей других слоев общества (хотя сам Берти был не так подкован в литературе, как Наполеон); и, конечно, сохраняя негласное обязательство предаваться прелюбодеянию на любой домашней вечеринке, которое распространялось прежде всего на альфа-самцов.

Не будет преувеличением сказать, что, покидая Фонтенбло, Берти был готов мутировать в молодого Наполеона III, и этот процесс превращения впоследствии оттачивал, стараясь как можно чаще посещать Францию и создавая свой двор по образцу французского.

Когда Берти вернулся домой после ближневосточного вояжа с французским финалом, совсем не удивительно, что Виктория нашла его «сияющим и здоровым». Мало того, ее грешный сын теперь был готов, как она с удовлетворением отметила, «исполнить все пожелания матери и отца». Берти, явно очень довольный собой, проявлял такую дипломатичность, что впечатлил даже Альберта на небесах.

Чего больше всего желали родители Берти – живые и мертвые, – так это его женитьбы. Еще несколько месяцев назад он прохладно относился к этой идее, но неделя в Фонтенбло, должно быть, развеяла некоторые иллюзии двадцатилетнего принца в отношении брака.

Он убедился воочию, да и в теплых беседах с Наполеоном наверняка получил отеческие заверения в том, что брак не помеха забавам и развлечениям.

Наоборот, для человека статуса Берти свидетельство о браке должно было стать пропуском в мир сексуальной свободы.

---

¹⁰⁵ Туше! (фр.). – Примеч. пер.

Глава 4

Англо-датская свадьба и брак по-французски

Торжественный священный акт, не совместимый с развлечениями.

Представление Виктории о достойной свадебной церемонии

I

В браке, как и во всем остальном, Берти было практически невозможно угодить Виктории, которая, как всякая уважающая себя мать, вмешивающаяся в жизнь взрослых детей, посылала множество противоречивых сигналов по поводу свадьбы своего сына. Королева была последовательна лишь в том, что движущим мотивом всех ее действий было соблюдение собственных интересов.

С одной стороны, она выступала в защиту Берти, оправдывая его перед будущими родственниками. В письме к матери принцессы Александры она оценивала «проступок» Берти как «(единственную) печальную ошибку» и уверяла, что «безнравственные негодяи довели нашего бедного невинного мальчика до греха». Во всех своих записях Виктория очень любила подчеркивать слова (в печатных текстах, как здесь, они обычно выделены курсивом), но в этом послании к предполагаемой теще Берти она прибегла к заглавным буквам, настаивая на том, что видит в будущей жене «ЕГО СПАСЕНИЕ». Виктория пошла еще дальше, убеждая датчан, что

Берти был «очень домашним и всегда любил дом», что можно толковать как ложь во спасение или поразительное заблуждение.

Вместе с тем в глубине души Виктория была решительно настроена против Александры – она хотела невестку-немку, а не датчанку. Старшая сестра Берти, Вики, вышла замуж за наследника прусской короны, тем самым скрепив дружбу Англии с Германией в обозримом будущем (во всяком случае, Виктория на это рассчитывала). В идеале Берти мог бы добавить второе звено в эту англо-прусскую семейную цепочку. Датчане, напротив, находились в прямом конфликте с Пруссией за право обладания крошечными приграничными землями – Шлезвиг и Гольштейн, – которые в то время были как две раздражающие песчинки в бутерброде с колбасой североευропейской политики.

В пользу Александры было то, что в ней текла немецкая кровь – ее мать была родом из Гессен-Касселя, крошечного княжества, которое поставляло Британии солдат (не безвозмездно) во время американской Войны за независимость. Но эта родословная не устраивала Викторию главным образом потому, что двор Гессен-Касселя был печально известен своей распушенностью и фривольностью, иначе говоря, был слишком французским. В точности, как Берти, если уж на то пошло.

Выходит, с точки зрения политики Александра была полной катастрофой. Однако англо-прусская принцесса Вики была обеими руками за этот брак, поскольку с присущей ей пронизательностью чувствовала, что единственная надежда заставить Берти остепениться – это найти ему красивую жену, а все породистые немецкие девушки, которых она встречала, слишком уж походили на кайзера. Александра, конечно, не была такой ослепительной, как некоторые из французских знакомых Берти, но в ней сочетались природная стать и нежная красота, и Вики казалось, что это может заинтересовать ее капризного братца.

Моральный наставник Виктории, дядя Леопольд, король бельгийцев, тоже поддерживал кандидатуру Александры, но у него были свои, мужские доводы. Как объяснял он в письме к Виктории, «есть что-то искреннее и веселое в характере Алике, что поможет ей легче относиться к происходящему, не испытывая потрясений и страха». Смысл был понятен – Берти всегда будет бабником, а в Алике есть все необходимое, чтобы пережить унижение. В этом Леопольд уж точно разбирался – у него была официальная любовница, на тридцать пять лет моложе его, которая родила ему двух внебрачных сыновей. Однако мать Александры совсем не убедили заступнические речи Виктории. Королева Датская была наслышана о непростых отношениях между Викторией и Берти и опасалась, что это погубит надежды Александры на счастливый брак.

Слишком много противоречивых мнений сложилось вокруг англо-датской партии, поэтому семнадцатилетней Александре предоставили право самой принять решение. Сначала состоялось краткое знакомство с Викторией в Бельгии в сентябре 1862 года, и после этой встречи королева объявила, что Александра выглядит «достойной и изысканной», не в пример родителям.

Чуть позже, в ноябре, Виктория пригласила Александру в Англию, чтобы познакомиться с ней поближе и посмотреть, как она ведет себя без поддержки матери. Сопровождающий дочь отец был сослан в соседний отель. Что бы ни пришлось ей пережить перед встречей тет-а-тет с горгоной-свекровью, Александре все-таки хватило ума предстать перед носящей траур Викторией в простом черном платье, без всяких украшений, и терпеливо выслушать многочасовую лекцию об Альберте. Она была образцом рассудительности, благочестия и здоровой меланхолии.

Уловка сработала. Виктория писала Вики: «Как бы любил ее драгоценный Альберт». Видимо, из могилы отец прислал

Берти свое одобрение. «Она такая хорошая, такая скромная, естественная», – продолжала Виктория, словно растолковывая, что бедная Александра была полной противоположностью французским красавицам, которых обожал Берти.

Он между тем изо всех сил старался убедить мать в том, что с честью исполнит свой супружеский долг. После того как Александра приняла его предложение, что было лишь формальностью, Берти написал Виктории письмо в своем привычном путаном стиле – то ли немец сочинял, то ли Йода из «Звездных войн»¹⁰⁶, – обещая: «Любить и беречь ее, вы можете быть уверены, я буду до конца своей жизни».

Радовало то, что Александра была в восторге от своего веселого, безупречно воспитанного английского жениха. Она говорила Вики: «Ты, наверное, думаешь, что я хочу стать женой твоего брата только из-за его положения, но, даже если бы он был ковбоем, я бы любила его так же и не променяла ни на кого другого». Следует заметить, что в те времена ковбой мало чем напоминали лихих парней, скачущих по прериям в поисках буйволов, виски и разбитных девиц; так называли обычных пастухов.

Виктория, впрочем, опасалась, что в Берти есть что-то от кочующего пастуха, и настаивала на том, чтобы даже после помолвки молодые ни в коем случае не оставались наедине; кто-то обязательно должен был находиться рядом с открытой дверью их комнаты. Так что под бдительным оком Виктории и речи быть не могло о добрачном родео.

Пока шли последние приготовления к свадьбе, Берти был сослан в короткий круиз по Средиземноморью на королевской яхте «Осборн» (некогда «Виктория и Альберт»). Дело было в ноябре, море штормило, и почти все на борту страдали от морской болезни. Из-за повреждения гребного колеса яхту пришлось пришвартовать в бухте Неаполя, где Берти скромно отметил свой двадцать первый день рождения. Это совершеннолетие в ссылке

---

¹⁰⁶ На галактическом основном Йода разговаривает, нарушая обычный порядок слов в предложении. – *Примеч. пер.*

очень похоже на коварный умысел Виктории – наказание Берти за преждевременное вступление во взрослую жизнь с Нелли Клифден.

Но, кажется, Виктория слишком увлеклась политическими и психологическими расчетами и допустила серьезную ошибку, планируя кратковременную средиземноморскую ссылку для своего сына. По дороге домой Берти пришлось остановиться на ночь в Париже, чтобы пересесть на другой поезд.

Бедный генерал Брюс умер от лихорадки всего через пару недель после ближневосточного турне, и теперь у Берти был новый моральный наставник – старый ветеран наполеоновских войн, генерал сэра Уильям Ноллис. Формально он был «контролером и казначеем» Берти, призванным следить за тем, чтобы финансовые ресурсы принца Уэльского сдерживали его безудержный аппетит. Но Ноллис, не в пример Брюсу, был человеком снисходительным, к тому же он был более предан принцу, чем королеве, так что Берти смог улизнуть из британского посольства и навестить Евгению, которая в это время была в Париже.

Евгению, как обычно, окружала стая чаровниц, и Берти был представлен еще одной молодой замужней красавице, смуглянке по имени Анна Александрин Жанна Маргарита Сейер де Саган, которая тотчас доверила ему свой секрет о том, что муж ее обманывает (*quelle surprise*).¹⁰⁷ Пока Берти мог лишь словами утешить несчастную в браке француженку, но, похоже, взял этот печальный факт на заметку для дальнейшего использования.

Когда наконец это свершилось, дело дошло до скандала с иском об установлении отцовства.

Свадьба принца, как и его помолвка, сочетала в себе восторженность Берти и уныние, давно охватившее его мать. Дата была выбрана Викторией – 10 марта, в Великий пост, период самоотречения. Когда архиепископ Кентерберийский пожаловался на неподходящее время, королева возразила ему, напомнив, что брак – это «торжественный священный акт, не совместимый с развлечениями». Берти еще повезло, что он женился не в Страстную пятницу – день распятия.

Впрочем, у британской публики не было никаких суеверных мыслей. Народ от души приветствовал королевскую свадьбу, не обращая внимания на скорбную дату. Как и в 1982 году, когда принц Чарльз женился на своей тщательно отобранной девственной невесте, нация зашла в приступе любви к буржуазной монархии. Улицы были украшены флагами и гирляндами, витрины магазинов ломались от сувениров. Это были фотографии, свадебные медали, даже памятные щипцы для завивки волос с именем принцессы Александры. Были написаны и опубликованы новые праздничные песни, чтобы в каждом доме, где есть пианино (а таких было много), звучали эти патриотические мелодии.

Одна из таких песен называлась «О, возьми ее, но сохрани ей верность», и, судя по тому, как сложился королевский брак, именно ее Берти так и не удалось послушать.

Официальные торжества начинались за три дня до свадьбы, когда Берти должен был сопровождать Александру в пути следования через Лондон после ее прибытия в Англию на королевской яхте. Как только объявили маршрут процессии, стратегически важные окна и балконы были сданы в аренду по заоблачным ценам. Американский биограф, Стэнли Вейнтрауб, цитирует одно из множества объявлений, напечатанных в газете «Таймс», с предложением аренды комнаты с замечательным видом из окон, в котором явно преднамеренная орфографическая ошибка допускает двусмысленное толкование:

«Королевская процессия: сдается в аренду комната на первом этаже, с двумя большими *widows*¹⁰⁸, в лучшей части Кокспер-стрит, возможен вход со двора».

---

¹⁰⁷ Какой сюрприз (*фр.*) – Примеч. пер.

¹⁰⁸ Вместо слова *window* (окно) в объявлении напечатано *widow* (вдова). – Примеч. пер.

Если бы Берти увидел объявление – а о нем вскоре узнали все, – он бы, наверное, рассмеялся. И изъявил желание встретиться с этими двумя вдовами.

Свадебная процессия привлекла огромные толпы людей – говорят, таких Лондон еще не видывал, – но газета «Таймс» отмечала, что королевские экипажи были «старые и ветхие, лошади полудохлые, без всяких украшений и даже свадебных розочек». Виктория постаралась приглушить праздничную атмосферу. Но это не помешало толпе в течение долгих четырех часов бурно приветствовать Александру, очень красивую, держащуюся поистине с королевским достоинством, в открытой коляске, несмотря на холодный мартовский ветер и свое первое появление на публике, охваченной массовым психозом.

Почти сразу после того, как счастливая молодая пара прибыла в Виндзор, где должна была состояться свадьба, Виктория увлекла их в мавзолей Альберта, полностью достроенный только накануне. Королева привела Берти и Александру в усыпальницу и соединила их руки перед могилой усопшего принца-консорта. «Он дает вам свое благословение», – объявила Виктория. Простим Александру, если в то мгновение она подумала, что входит в семью Дракулы.

Виктория настояла на проведении свадебной церемонии в часовне Святого Георгия в Виндзоре, которая до этого была больше известна как королевская усыпальница¹⁰⁹. В ее стенах покоился прах августейших особ: королей Эдуарда IV, Генриха VI, Генриха VIII, Карла I, Георгов III и IV, Вильгельма IV, – а восточный хор был перестроен в часовню памяти отца Берти. Назвать часовню обителью безудержной радости язык не повернется.

Виктория позаботилась о том, чтобы часовню заполнили ее собственные гости, так что для семьи Александры места не нашлось. Даже король Дании не был приглашен. Правда, и сама Виктория не была замечена в толпе и на протяжении всей церемонии оставалась в тени. Она наблюдала за происходящим в прямом смысле свысока, из эркера Екатерины Арагонской. Это была укромная ниша на балконе над алтарем, построенная специально для Екатерины, чтобы она могла оттуда наблюдать церемонии вручения ордена Подвязки, проходившие в часовне Святого Георгия. (После того как ее разлучили с Генрихом VIII, развлечений в ее жизни было немного.)

И вот теперь из этого эркера Виктория, в черном платье с белой вуалью и брошью с миниатюрным портретом Альберта, смотрела вниз, словно ангел мщения. Первым музыкальным произведением, открывающим церемонию, была – разумеется, по выбору Виктории – оратория, написанная ее мужем, и королева, как было замечено, вздохнула и подняла лицо к небу, когда запел хор. Хорошо еще, что она не распорядилась поднести Александру и Берти к алтарю в гробах.

Гости и молодожены изо всех сил старались создать атмосферу праздника – мужчины надели яркие мундиры, женщины сияли драгоценностями и шелками. Александра приехала (с опозданием на двадцать минут) в расшитом гроздьями омелы¹¹⁰ серебристо-белом атласном платье, с флёрдоранжем, словно напоминая всем присутствующим, что невеста ожидает поцелуя в этот траурный день. Берти выглядел элегантно, разве что казался полноватым в генеральском мундире с бархатным плащом ордена Подвязки, накинутым на плечи. На фотографии, сделанной сразу после церемонии, свисающие луковицеобразные кисточки плаща прикрывают область паха как исторический символ плодородия.

Когда дело дошло до супружеской клятвы, Берти оконфузился. Ему предстояло произнести все шесть имен Александры (Александра Каролина Мария Шарлотта Луиза Джулия),

---

¹⁰⁹ Эдуард VII и сам потом будет похоронен в церкви, где когда-то женился.

¹¹⁰ Омела белая – цветок вечнозеленого кустарника, в Англии традиционное украшение дома на Рождество. – *Примеч. пер.*

так что пришлось зачитывать их по бумажке – видимо, воспроизвести их по памяти было сложновато.

Впрочем, не обошлось и без шалостей – племянник Берти, четырехлетний Вильгельм, будущий кайзер Германии, наряженный в костюм шотландского горца, выковырял большой драгоценный камень из рукоятки своего кинжала, и проказника чудом удержали, прежде чем он успел швырнуть его через проход.

Внимание многих гостей привлекло и глубокое декольте шестидесятишестилетней герцогини Кембриджской, правнучки Георга II, нынешней принцессы легкомысленного гессен-кассельского двора. И когда оркестр посчитал, что архиепископская проповедь слишком затянулась, музыканты начали громко настраивать свои инструменты.

После церемонии, на свадебном банкете (который королева не почтила своим присутствием) будущий кайзер снова схулиганил – он заполз под стол и тяпнул за ногу своего дядю, принца Артура, одетого как шотландский солдат – в тунику и килт. Это было, конечно, не последнее нападение Вильгельма на британского военного.

Во время обеда счастливых молодоженов отвлекли от праздничного стола и заставили позировать для семейного фотоальбома, что, должно быть, укрепило невесту во мнении, что она вступила в некую секту, поклоняющуюся духам. На семейном портрете – четыре персонажа. Слева стоит Александра в белой фате, и она единственная, кто по-честному смотрит прямо в объектив. Чуть сзади Берти; угрюмо надувшись, он смотрит в сторону. Перед ним сидит застывшая Виктория, привычно закутанная в черный балахон, что делает ее похожей на нечто среднее между монахиней и катафалком. Она не обращает внимания на молодую пару, ее взгляд обращен к бюсту Альберта в натуральную величину, установленному на постаменте. Если фотограф и попросил «улыбочку», то его вряд ли кто-то услышал.

Ближе к вечеру Берти и Александра были отправлены в свадебное путешествие. Их экипаж под радостные возгласы толпы и звон колоколов держал путь на железнодорожный вокзал, где молодожены должны были пересесть на поезд до Саутгемптона, а оттуда на королевской яхте отправиться на остров Уайт и провести неделю в Осборне – резиденции, преобразованной в еще один храм Альберта.

Виктория, покончив с тем, что она называла «печальной и тягостной церемонией», поспешила обратно в мавзолей – общаться с умершим мужем.

Не слишком обнадеживающее начало семейной жизни.

III

И все-таки у принцессы Александры имелась причина быть благодарной Виктории за назойливое вмешательство в их семейную жизнь – на какое-то время это сблизило их с Берти. Когда в ноябре 1863 года шлезвиг-гольштейнская проблема переросла в короткую и неравную войну между маленькой Данией и могучей Пруссией¹¹¹, Берти поддержал жену, а не мать.

«О! Если бы только у Берти жена была хорошей немкой, а не датчанкой!» – стонала Виктория, в то время как Берти защищал Александру, и в нем уже зрело чувство (которое с годами становилось все сильнее), что пруссаки те еще хулиганы, и в этом тоже он был солидарен с французами.

Виктория сплотила молодоженов и тем, что изводила их, постоянно вмешиваясь во все дела. Она возражала, по моральным соображениям, против поздних ужинов и веселых вечеринок, пыталась отговорить Александру от верховой езды – одного из самых любимых хобби

---

¹¹¹ Пограничная территория Шлезвиг-Гольштейна веками была предметом спора между двумя этими странами. – *Примеч. ред.*

принцессы – на том основании, что это может препятствовать деторождению. Королева даже отдала распоряжение, чтобы в критические дни Александры не устраивалось никаких увеселений.

Странно, что Виктория с таким нетерпением ждала появления на свет наследника престола, если не видела в Александре и Берти достойных племенных производителей.

«Ты в курсе, что у Алике [так называли Александру в семье] самая маленькая голова из всех, что я когда-либо видела? – писала она своей дочери Вики. – Я ужасно боюсь... с его-то [Берти] пустыми мозгами... за будущих детей».

Собственно, в значительной степени это была вина Виктории, если Берти нечем было занять мозги, ведь мать не допускала его к государственным делам. Она не доверяла ему читать бумаги кабинета министров, опасаясь, что он будет не согласен с ее политикой или окажется несдержан на язык, и в обоих случаях ее страхи были совершенно обоснованными.

Виктория не хотела, чтобы Берти представлял ее на официальных мероприятиях, несмотря на то что в Америке он успешно с этим справился, хотя и был тогда совсем молод. Вот что она писала своему министру внутренних дел, говоря о себе в третьем лице, как обычно это делала, общаясь с политиками: «Ее Величество думает, что было бы крайне нежелательно назначать наследника короны Ее генеральным представителем и слишком часто предьявлять его подданным. Это неизбежно создаст впечатление, будто принц Уэльский соперничает в популярности с королевой».

Что еще оставалось двадцатиднолетьнему Берти и его восемнадцатилетней жене, кроме как игнорировать Викторию и наслаждаться жизнью?

Незадолго до их свадьбы Берти вступил во владение двумя особняками, которые до конца его жизни останутся главным местом проведения его английских вечеринок. Мальборо-хаус на Пэлл-Мэлл, построенный Крисом Реном в 1710 году, принадлежал английской короне, и 60 000 фунтов стерлингов¹¹² из государственной казны было потрачено на его переоборудование в лондонский дом Берти. К этому принц добавил 100 000 фунтов собственных денег (главным образом доходов от земельных владений в герцогстве Корнуолл, и поныне принадлежащем принцу Уэльскому), которые потратил на новую мебель и экипажи, а также на драгоценности для Александры и себя, любимого.

Как и всё в частной жизни Берти, Мальборо-хаус был устроен по образцу того, что он видел во Франции. Особняк был отделан во французском стиле, с большим количеством позолоты по дереву, и перестроен так, что в нем появились бальный зал и анфилада просторных комнат, наподобие тех, в которых Наполеон и Евгения устраивали свои парижские вечеринки. В декоре было много гобеленов с парижской фабрики, подаренных Берти Наполеоном; полотен Франца Ксавера Винтерхальтера, немецкого художника, писавшего портреты французской императорской четы и красавиц фрейлин их двора. Теперь Винтерхальтер писал портреты Берти и Александры, на которых принц выглядел упитанным мальчиком-гусаром, а Александра – женщиной-вамп с непотребно глубоким декольте.

Сознательным вызовом королеве-матери стала курительная комната, оборудованная Берти в Мальборо-хаус. Правда, он сам до смерти боялся, что Виктория ее обнаружит, поэтому, когда она пришла осматривать новый дом, курительную комнату замаскировали, написав на двери мелом: «Туалет. Идет ремонт». Это был единственный способ помешать Виктории сунуть свой нос туда, куда не следовало.

Другой игровой площадкой молодоженов стал Сандрин-гемский дворец в Норфолке – что очень важно, вдали от матери Берти. Это поместье он приобрел на собственные деньги, заплатив 220 000 фунтов стерлингов (хотя 7000 акров фермерских угодий приносили еже-

---

¹¹² Насколько велика эта сумма, можно судить по тому, что средняя зарплата домашнего повара составляла около 35 фунтов стерлингов в год, а опытный банковский клерк в год зарабатывал около 150 фунтов стерлингов.

годную ренту в 6000 фунтов стерлингов, так что, помимо всего прочего, это еще была выгодная инвестиция). Берти вовремя подсуетился и купил дом у собственника, который большую часть времени проживал в Париже, а потом и вовсе уехал за границу навсегда, шокировав норфолкское джентри женитьбой на своей любовнице.

Как и Мальборо-хаус, Сандрингем был отделан в стиле Наполеона III. Берти видел, как император перестраивает Париж, и по его примеру принялся строить новые дороги в графстве, разбивать сады для развлечений на свежем воздухе, открывать школы и больницы для местных жителей. Берти сам соорудил пристройку к дому, в которой разместились бильярдная и кегельбан. Наверстывая упущенное в детстве, он устраивал в бальном зале гонки на трехколесном велосипеде и скатывался с главной лестницы на серебряном подносе.

Любовь к дурачествам определила и выбор декора – наряду с предсказуемыми для загородного дома сельскими пейзажами появилось и настоящее чучело бабуина, которое встречало гостей в дверях, протягивая лапы за визитными карточками.

Александра была счастлива в Сандрингеме – равнинный Норфолк, говорила она, напоминал ей Данию, и здесь, на природе, она могла держать большую псарню с собаками самых разных пород. Александра любила кататься на коньках на замерзших прудах и – во всяком случае, поначалу – охотно включилась в общую атмосферу беззаботного веселья. Однажды, когда миссис Гладстон (мать того самого мальчика, который «настучал» на Берти, поцеловавшего немку) приехала по приглашению в Сандрингем, Александра пришла уложить ее в кровать, как ребенка.

Супруги устраивали домашние вечеринки, своей раскованностью и свободой нравов почти не уступающие посиделкам у Наполеона и Евгении. Развлечения в доме обычно проходили вне спален – это были шумные застолья, долгие карточные игры и музыкальные вечера, во время которых гостям иногда приходилось слушать игру на скрипке младшего брата Берти, Альфреда, – по описанию личного секретаря Виктории, Генри Понсонби, «отвратительный писк». Похоже, вывод Альфреда на сцену был одним из розыгрышей, придуманных Берти.

Но в чем наиболее очевидно проявилось влияние Наполеона III на светскую жизнь Берти, так это в разношерстной компании гостей, которых он принимал как в Лондоне, так и за городом. Столкнувшись с неприкрытым снобизмом потомственных французских аристократов, парвеню Наполеон был вынужден изобрести новую социальную модель поведения для своих придворных. В силу необходимости это была в большей степени меритократия¹¹³, а не аристократия. Теперь и Берти начал принимать в своем доме не только лордов и леди, но и людей, добившихся успеха в разных сферах жизни, и его единственным требованием было, чтобы приглашенные умели остроумно рассказывать о своих достижениях.

Вот как описывает состав гостей Наполеона в Фонтенбло бельгийский дипломат, барон де Бейанс (эта компания прямо-таки во вкусе Берти): «Официальные лица – военные и гражданские, государственные деятели и иностранные дипломаты, аристократы всех стран, художники, ученые, писатели и писательницы, а также частные лица, хорошо известные в силу их особого социального положения». Барон продолжает: «Разделять вместе с ними удовольствие от роскоши и изысканных развлечений – это ли не доказательство социальных настроений, свободных от гордости и высокомерия, простоты общения, совершенно не похожего на холодность тех суверенов, чье устаревшее понимание этикета отгораживает их от простых смертных?» Можно подумать, что он описывает мать Берти.

Сегодня мы, вероятно, поспорили бы с бароном насчет отсутствия у Берти высокомерия, да и усомнились бы в изысканности некоторых развлечений (выливать бренди на голову слуге, кажется, не комильфо). Но, если сравнивать с Викторией, Берти действительно сделал

---

¹¹³ Власть, основанная на заслугах. – *Примеч. пер.*

более демократичным свой круг общения, в связи с чем получал настойчивые «советы» от снобов, призывавших его держать марку.

Граф Спенсер¹¹⁴ предостерегал принца Уэльского от посещения бала у Лионеля и Шарлотты де Ротшильд, потому что «они... обязаны своим положением богатству и, возможно, случайной красоте первой дочери, которую вывели в свет». Но Берти игнорировал этот тонко завуалированный английский антисемитизм. Он впервые встретился с Ротшильдами в Париже и всегда с удовольствием принимал их приглашения на домашние вечеринки в Англии, где, по словам французского биографа Филиппа Жулиана, «его ожидала невиданная роскошь Второй империи, с ее высокой кухней и космополитичной атмосферой». Ни один английский сноб не смог бы убедить Берти отказаться от французских удовольствий.

Еще одним новшеством, завезенным Берти из Франции, как утверждает Жулиан, было толерантное отношение к женщинам с безупречной репутацией. Пожалуй, только на лондонских ужинах у принца английские дамы высшего света соглашались садиться за стол с актрисами.

Долг обязывал принца приглашать и пафосных гостей, которые не очень-то вписывались в компанию, но обычно растворялись в толпе. Главы европейских государств быстро смекнули, что в Лондон следует посылать дипломатов двух сортов – замшелых стариков, чтобы угождать королеве, и их молодых веселых помощников, которые налаживали бы связи с наследником престола.

Виктория знала, что происходит, и наблюдала за растущей независимостью Берти со смесью страха и отвращения. Она была уверена, что после ее смерти Англию ждет «жалкая участь» и что новый король «проживет свою жизнь в водовороте развлечений».

Единственным утешением Виктории было то, что молодая пара, по крайней мере, щедро снабжала ее наследниками. Первый сын Берти и Александры родился месяцев через десять после свадьбы, и его дипломатично назвали Альберт-Виктор, как того желала бабушка. Всего через полтора года на свет появился второй сын, будущий король Георг V. В течение семи лет Александра выносила семерых детей, хотя последний из них, Александр, прожил только сутки.

Такая плодовитость пагубно сказалась на здоровье принцессы. Понятно, что, постоянно беременной, ей было трудно выдерживать заданный Берти темп социальной жизни, которая напоминала вечный двигатель. Александра старалась как могла: ее второй сын родился в Мальборо-хаус в полночь, после того как они с Берти вернулись с симфонического концерта в городе, а потом ужинали с гостями. Довольно лихое *soirée* для женщины на сносях.

Александра все чаще пропускала светские мероприятия по причине интересного положения и родов; в 1866 году у нее случился серьезный приступ ревматизма, в результате которого развилась хромота. Всего в двадцать один год ей пришлось навсегда распрощаться с танцами. Все более очевидным становилось и то, что она страдает наследственным заболеванием, вызывающим прогрессирующую глухоту, – отосклерозом, аномальным ростом костей внутреннего уха. Проблема усугублялась беременностями, поэтому Александра была обречена оставаться в стороне от оживленного трепя, который был высшим *raison d'être*¹¹⁵ светских раутов Берти (во всяком случае, тех, на которых присутствовала его жена). Остроумие привлекало Берти в женщинах даже больше, чем физическая красота, а Александра превращалась в молчаливую скромницу; позже Оскар Уайльд сравнит ее с обыкновенным

---

¹¹⁴ Это был пятый граф Спенсер, друг моралиста Уильяма Гладстона. Нынешний граф, брат покойной принцессы Дианы, является девятым.

¹¹⁵ Смысл существования чего-либо (*фр.*). – *Примеч. пер.*

скучным обедом. Да уж, явно не подходящая собеседница для общительного молодого принца.

Поначалу сестра Берти, Вики, выражала трогательную веру в целительную силу брака, которая сможет изменить ее распутного братца: «Он слишком слаб, чтобы удержаться от греха ради добродетели, тут нужны другие мотивы, и, конечно, жена будет самым сильным из них».

Видимо, этим пороком страдали многие мужчины Викторианской эпохи, даже представители высшего света, которые гонялись за горничными и выставляли себя дураками, путаясь с актрисами. В середине XIX века для богатых английских джентльменов грешить с проститутками и прислужой (и чаще, чем в этом признавались, с друзьями мужского пола тоже) было обычным делом, и беспорядочная сексуальная жизнь тянулась лет до сорока. В довольно позднем возрасте мужчины вступали в брак, обзаводились потомством, и все заканчивалось относительной моногамией.

Однако Берти был вынужден жениться молодым, и теперь, когда Александра проводила все больше и больше времени с детьми и собаками, поглядывал по сторонам в поисках развлечений. И не то чтобы он ждал, пока Александра станет глухой и хромой. В 1864 году, когда их браку было менее двух лет, Виктория, видимо, знала, что Берти все еще ведет холостяцкую жизнь. «Я часто думаю, что ее [Александры] доля совсем не счастливая, – писала Виктория. – Она очень любит Берти, хотя и не слепая». Хочется верить, что это не был намек на глухоту невестки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.